

ДЭВИД МОРРЕЛЛ
**ИНСПЕКТОР
МЕРТВЫХ**

*Лондон 1854-го, бледно-желтый свет фонарей,
миазмы трущоб, интриги и вассалов общества,
жестокие убийства. Только вместо Шерлока Холмса
криминальные загадки путем тонкой дедукции решает
эксцентричный опирающийся на Томаса Де Танкиса.
Дэн Симмонс,
автор «Гипериона» и «Террора»*

18+

The Big Book

Дэвид Моррелл

Инспектор мертвых

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Моррелл Д.

Инспектор мертвых / Д. Моррелл — «Азбука-Аттикус»,
2015 — (The Big Book)

Томас Де Квинси, автор скандальных произведений «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» и «Убийство как одно из изящных искусств», обладает феноменальной проницательностью. Он помог лондонской полиции разоблачить опасного преступника и сорвать его замыслы. Теперь Томас и его дочь Эмили собираются домой, в Эдинбург, чем несказанно радуют министра внутренних дел Британии лорда Палмерстона, опасаящегося, что писатель мог в ходе расследования узнать какие-то факты, не подлежащие разглашению. Но перед отъездом Де Квинси и Эмили решают посетить богослужение в церкви Святого Иакова – и становятся свидетелями изощренного убийства, первого в длинной цепи.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Моррелл Д., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Вступление	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	25
Глава 4	40
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дэвид Моррелл

Инспектор мертвых

*Гревелу Линдону и Роберту Моррисону,
моим проводникам в мире Томаса Де Квинси,
а также историку Джудит Фландерс,
сопровождавшей меня в прогулках
по темным улицам Викторианской эпохи*

© С. Удалин, перевод, 2016

© М. Акимова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

® Издательство АЗБУКА

* * *

Вступление

Мы воспринимаем как данность строгие законы, регламентирующие продажу наркотических средств. Тем удивительнее узнать, что на протяжении почти всего XIX века в Британской империи и Соединенных Штатах можно было абсолютно легальным путем приобрести опиум, из которого получают героин и морфий.

Его продавали аптекари, мясники, бакалейщики и даже разносчики газет. Спиртовой раствор (как правило, использовали бренди) опиийного порошка назывался лауданум. Это снадобье можно было найти в каждом доме, как, например, таблетки аспирина в наши дни. Опиум был единственным (не считая алкоголя) доступным болеутоляющим средством и назначался при мигрени, менструальных болях, расстройстве желудка, сенной лихорадке, отитах, судорогах, коликах у детей, раке и любых других хворях.

Томас Де Квинси, один из самых блистательных и скандально известных литераторов XIX века, в первый раз попробовал этот препарат еще в юности, мучаясь зубной болью. Вот как описал он испытанную при этом эйфорию: «Бездна божественного наслаждения... панацея от всех человеческих невзгод... секрет счастья»¹. В течение восьми лет он время от времени принимал лауданум, однако к двадцати восьми годам оказался в пожизненной зависимости от него. В те времена еще не знали о физиологическом и психологическом привыкании к наркотикам. Считалось, что любой человек, обладающий твердым характером и самодисциплиной, способен порвать с пагубным пристрастием. Общественное мнение осуждало не сумевшего остановиться Де Квинси за отсутствие силы воли, несмотря на то что отказ от опиума заставлял его «мучиться, корчиться, дрожать, трепетать и терзаться... походить на человека на дыбе»².

В 1821 году, в возрасте тридцати шести лет, Де Квинси опубликовал «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум», которая потрясла всю Англию. Своей искренностью эта первая в мире книга о наркотической зависимости создала автору дурную репутацию. Хотя многие страдали от той же напасти, они не решались признаться в этом, опасаясь всеобщего осуждения. Между тем препарат перестал оказывать на Де Квинси целительное действие, и тому приходилось бесконечно увеличивать дозу лишь для того, чтобы поддерживать свое существование. Столовая ложка лауданума способна убить непривычного к наркотику человека, Де Квинси же, находясь на пике зависимости, принимал по шестнадцать унций в день и только после этого чувствовал себя более или менее сносно. По словам одного из друзей, он «поглощал опиийные пилюли из табакерки, как другой грыз бы орешки».

Препарат вызывал у Де Квинси кошмарные видения, которые повторялись еженощно и длились целую вечность. Все горести и утраты, понесенные в жизни, призраки умерших родных и возлюбленных продолжали преследовать Де Квинси в этих кошмарах, открывая для него безграничный и ужасный внутренний мир, «пропасти и темные бездны, глубины, что глубже всякой глубины»³. Де Квинси первым, за семьдесят лет до «Толкования сновидений» Фрейда, начал исследовать подсознание. Фактически именно он придумал термин «подсознание» и описал «некую пакостную чужеродную сущность»⁴, скрытую в потайных уголках разума и неизвестную не только посторонним, но и самому человеку.

Де Квинси обладал и еще одним удивительным талантом. Он был настоящим экспертом во всем, что касалось убийств.

¹ Томас Де Квинси. Исповедь англичанина, употреблявшего опиум. – Здесь и далее примечания переводчика.

² Томас Де Квинси. Исповедь англичанина, употреблявшего опиум.

³ Там же.

⁴ Томас Де Квинси. Английская почтовая карета.

Глава 1

Место преступления

В душе убийцы (такого убийцы, к которому может снизойти поэт) должна бушевать настоящая буря страстей: ревность, честолюбие, вражда, мстительность образуют в ней крошечный ад, и в этот ад нам предстоит заглянуть.

Томас Де Квинси. О стуке в ворота у Шекспира («Макбет»)

Лондон, 1855 год

Если не считать посещения театров и клубов, добропорядочные обитатели самого большого города в мире старались не выходить из дома после заката, который в тот холодный субботний вечер, третьего февраля, наступил без шести минут пять.

Изысканно одетый джентльмен остановился под газовым фонарем и сверился с серебряными карманными часами, выставленными по хронометру Королевской Гринвичской обсерватории. Они показывали именно такое время. Сколь бы горькие уроки ни получал от жизни этот человек, какие бы мрачные мысли ни таились в его голове, он неизменно сохранял респектабельный вид. За последние пятнадцать лет не случилось ни единого дня, когда гнев не обуревал бы его. Однако джентльмен никому не позволял раньше времени догадаться, что творится у него в душе, предпочитая насладиться потрясением тех, на кого внезапно обрушивал свою ярость.

Сейчас он стоял на Конститьюшен-хилл, разглядывая мрачный фасад Букингемского дворца. За плотно занавешенными окнами тускло горели огни. Четыре дня назад в правительстве разразился кризис ввиду вопиющей халатности кабинета в ходе Крымской войны, и в эти минуты королева Виктория, несомненно, консультировалась со своим Тайным советом. Мелькнувшая в одном из окон тень принадлежала либо ей самой, либо, что вероятнее, ее мужу, принцу Альберту. Джентльмен затруднялся определить, кого из супругов он ненавидит в большей степени.

Звук приближающихся шагов заставил его обернуться. Из тумана появился констебль в высоком шлеме. Джентльмен продолжал сохранять хладнокровный вид, когда полицейский навел на него фонарь, по большей части сосредоточив внимание на одежде. Цилиндр, пальто и брюки – все выглядело безукоризненно. Еще несколько лет назад могла бы вызвать подозрение борода джентльмена – на самом деле накладная, – но сейчас такие как раз приобрели популярность в приличном обществе. И даже черная трость с серебряной шарообразной рукояткой была изготовлена по последнему слову высокой моды.

– Добрый вечер, сэр. Если позволите, я бы не советовал вам здесь задерживаться, – предупредил полицейский. – Опасно гулять в темноте одному, даже в этом районе.

– Благодарю вас, констебль. Пожалуй, мне действительно лучше поспешить.

Притаившийся за оградой Грин-парка юноша в поношенной матросской блузе наконец-то услышал приближение потенциальной жертвы. Он уже почти примирился с мыслью, что никто так и не отважится прогуляться в одиночку по затянутой туманом улице, но в то же время понимал: только туман может укрыть его самого от глаз констебля, который проходит мимо каждые двадцать минут.

Убедившись, что это не тяжелые шаги патрульного, юноша приготовился к самому отчаянному поступку в своей жизни. Он трижды ходил на Восток на корабле Британской Ост-Индской компании, выдержав ужасные шторма и приступы тропической лихорадки, но прежние испытания были сущими пустяками в сравнении с нынешним рискованным меро-

приятием, которое грозило ему виселицей. Он лишь молился, чтобы желудок не заурчал от голода и не выдал его раньше времени.

Шаги звучали все громче, из тумана появилась шляпа-цилиндр. Стараясь справиться со слабостью, юноша вышел из-за дерева, ухватился за чугунную ограду парка и перепрыгнул через нее, оказавшись лицом к лицу с прохожим. В тусклом свете ближайшего фонаря он разглядел темную бородку джентльмена.

– Только без шума, приятель, – произнес юноша, показывая дубинку. – Гони кошелек, а то худо будет.

Джентльмен покосился на его изодранную и грязную одежду.

– Я сказал, гони кошелек, – поторопил прохожего паренек, прислушиваясь, не возвращается ли констебль. – И побыстрее. Я повторять не стану.

– Здесь довольно темно, но вы все-таки посмотрите внимательно мне в глаза.

– Ты скоро закроешь их навсегда, если не отдашь кошелек.

– Вы видите в них страх?

– Сейчас увижу. – Юноша замахнулся дубинкой.

С неожиданной стремительностью джентльмен развернулся и рубанул тростью по запястью грабителя, выбив дубинку. Тут же последовал удар по затылку, и юноша рухнул на землю.

– Лежите и не двигайтесь, если не хотите, чтобы я продолжил, – предупредил джентльмен.

Сдерживая стон, юноша обхватил пульсирующую от боли голову.

– Прежде чем нападать, обязательно посмотрите в глаза противнику и убедитесь, что ваша воля сильнее. Будьте добры, назовите ваш возраст.

– Восемнадцать, – ответил юноша, сбитый с толку вежливым обращением джентльмена.

– Как вас зовут?

Паренек молчал, дрожа от холода.

– Говорите же. Только имя. Оно вас никоим образом не выдаст.

– Ронни.

– Вероятно, Рональд? Если хотите чего-то добиться в жизни, всегда представляйтесь полным именем. Повторите еще раз, как вас зовут.

– Рональд.

– Вам было больно, но хватило духу не закричать, чтобы не привлечь внимание констебля. Такая сила воли заслуживает поощрения. Давно вы ели в последний раз?

– Два дня назад.

– Ваш пост закончился. – Джентльмен бросил на мостовую пять монет.

Рональд попытался рассмотреть их в полумраке. К его удивлению, это оказались не пенсы и даже не шиллинги, а золотые соверены. Юноша ошеломленно уставился на неожиданное богатство. За один соверен ему бы пришлось работать как проклятому не меньше недели, а сейчас перед ним лежали целых пять.

– Хотите получить еще, Рональд?

Юноша сжал монеты в кулаке:

– Да.

– Запомните адрес: Уоппинг, Гарнер-стрит, дом двадцать пять. – Это был самый глухой уголок Ист-Энда, в невообразимой дали от величественного Грин-парка. – Повторите.

– Уоппинг, Гарнер-стрит, дом двадцать пять.

– Приходите туда завтра к четырем часам. Но сначала купите себе теплую одежду. Скромную, не бросающуюся в глаза. Вы можете принять участие в великом деле. Но только

попробуйте кому-нибудь проболтаться, и вам, выражаясь вашими же словами, будет худо. Посмотрим, хватит ли вам теперь духу не упустить лучшее предложение в жизни.

Вдали послышались тяжелые шаги.

– Это констебль. Ступайте, – велел бородатый джентльмен. – Не разочаруйте меня, Рональд.

В животе у юноши опять заурчало. Еще не веря в свою удачу, он скрылся в тумане, зажав в кулаке пять драгоценных совершенов.

Джентльмен двинулся дальше по Конституишен-хилл. Теперь на циферблате было восемь минут шестого. Часы его помощников – также выставленные по хронометру Гринвичской обсерватории – должны были показывать то же время. Все шло по графику.

У Пикадилли джентльмен повернул направо в сторону Мейфэра, одного из самых уважаемых районов Лондона. Он ждал целую вечность, чтобы насладиться предстоящими событиями. Готовясь к ним, прошел через невообразимые муки. Теперь его снедало нетерпение, но он сохранял размеренную поступь, не желая поспешностью испортить себе удовольствие.

Даже в тумане джентльмен без труда находил дорогу. Он сотни раз мысленно воскрешал в памяти этот маршрут. Именно здесь пятнадцать лет назад, еще совсем мальчишкой, он метался сначала направо по Пикадилли, затем налево по Хаф-Мун-стрит и снова налево на Керзон-стрит, умоляя: «Прошу вас, сэр, помогите!» – «Прочь отсюда, грязный оборванец!»

Эхо тех мучительных воспоминаний все еще звучало у него в голове, когда он достиг улицы, носящей название Честерфилд-хилл. Джентльмен остановился возле чугунной ограды, за которой в свете фонаря виднелось крыльцо с пятью каменными ступенями, ведущими к дубовой двери. Дверной молоточек был отлит в форме головы геральдического льва.

Крыльцо недавно мыли. Чтобы не оставить следов, джентльмен очистил подошвы ботинок о скребок в ограде. Затем сжал в руке трость, открыл ворота и поднялся по ступенькам. Стук молоточка гулким эхом прокатился по дому.

Кто-то подошел к двери с внутренней стороны. На мгновение джентльмену показалось, что мир у него за спиной растворился в тумане, время остановилось, а сам он заперт в темном чулане вселенной. Затем загремел засов, скрипнула, открываясь, дверь, и джентльмен поднял трость с серебряным набалдашником.

Дворецкий удивленно воззрился на посетителя:

– Его светлость никого не ждет сегодня.

Джентльмен вложил в удар всю свою силу. Серебряный набалдашник пробил голову дворецкому, и тот повалился на мраморный пол. С торжествующе бьющимся сердцем джентльмен вошел внутрь и закрыл дверь. Несколько быстрых шагов привели его в просторный холл.

Молодая служанка у подножия лестницы с узорчатыми перилами остановилась и озадаченно нахмурилась, явно недоумевая, почему гостя не сопровождает дворецкий. Джентльмен снова взмахнул тростью и почувствовал, как серебряный шар вонзается в череп девушки. С коротким предсмертным стоном служанка рухнула на пол.

Джентльмену не раз приходилось бывать в этом доме, не пряча лицо под накладной бородкой. Он прекрасно знал расположение помещений. Устранение прочих слуг не отнимет много времени. А потом он сможет заняться хозяевами дома и получить настоящее удовлетворение. Не выпуская из руки трость, он продолжил великое дело, ради которого пришел сюда.

Воспоминания надо подстегивать.

Виновные должны понести наказание.

Глава 2

Крытая молельня

Церковь Святого Иакова выглядит даже чересчур скромно для юго-восточной части респектабельного Мейфэра. Ее возвели по проекту сэра Кристофера Рена, но с виду трудно догадаться, что тот же архитектор создал и великолепный собор Святого Павла: слишком велик контраст. Трехэтажное здание с узким фасадом построено из обычного красного кирпича. Украшает его лишь башня с часами, медным шаром и флюгером.

Ровно в одиннадцать утра зазвонили колокола. Состоятельные прихожане подъезжали в роскошных экипажах, собираясь к воскресной службе. Ожидался особый гость, призванный развеять вызванное войной уныние, так что церковь заполнялась непривычно быстро. Сквозь высокие окна пробивались солнечные лучи и, отражаясь от белых стен, озаряли внутреннее убранство величественным сиянием. Церковь Святого Иакова как раз и славилась этим чудесным эффектом.

Вошедшая в двери группа из четырех человек сразу привлекла всеобщее внимание. Помимо того что все они были чужаками, двое из них отличались непривычно высоким ростом – почти в шесть футов против обычных для взрослого мужчины пяти футов и семи дюймов. Третий незнакомец, напротив, оказался на удивление низкорослым – не выше пяти футов.

Одежда вошедших также вызывала недоумение. Двое высоких мужчины носили мешковатые повседневные костюмы, неуместные среди парадных сюртуков собравшейся в церкви публики. Их низкорослый пожилой спутник, по крайней мере, попытался одеться сообразно случаю, но потертые обшлага и лоснящиеся локти рукавов сразу выдавали в нем обитателя другого, менее благополучного района.

Четвертой была миловидная девушка, вероятно чуть старше двадцати, – что могли подумать о ней прихожане? Вместо модного платья с кринолином и пышными атласными оборками на ней красовалась свободно ниспадающая юбка поверх похожих на длинные панталоны дамских брюк, насмешливо именуемых в газетах «блумерсами». Наряд почти не скрывал очертания ног, и по церкви пробежал недовольный ропот.

Он лишь усилился, когда один из высоких мужчин снял головной убор, напоминающий кепку газетчика. Под ней оказались рыжие волосы.

– Ирландец, – забормотали прихожане.

На подбородке другого крупного чужака красовался старый шрам, несомненно указывающий на темное прошлое.

Вопреки ожиданиям, разношерстная четверка не остановилась в дальнем конце нефа, где обычно размещались слуги и другие простолюдины. Вместо этого голубоглазая девушка с каштановыми локонами, выбившимися из-под шляпки, направилась к старшей ключнице Агнес Барретт.

Шестидесятилетняя седая женщина в очках за долгие годы поднялась от младшей помощницы до хранительницы самых важных ключей. Ходили слухи, что вознаграждение, которое она получила за время службы от прихожан, составило внушительную сумму в три тысячи фунтов. Впрочем, Агнес честно их заслужила, поскольку лучше любого другого умела заботиться о частных молельнях: всегда тщательно протирала дубовые скамьи, взбивала подушки и прочая, и прочая.

Почтенная служительница с озадаченным видом ждала, когда девушка в неуместном наряде подойдет ближе. Возможно, бедняжка просто заблудилась. Или хотела спросить дорогу к другой, более подходящей для нее церкви.

– Будьте добры, покажите нам молельню лорда Палмерстона⁵, – произнесла девушка.

Агнес раскрыла рот от изумления. Должно быть, она ослышалась? Неужели странное юное создание действительно назвало имя лорда Палмерстона? Ведь он один из самых влиятельных политиков в стране.

– Простите, что вы сказали?

– Покажите нам место лорда Палмерстона, если вас не затруднит. – Докучливая незнакомка протянула ключнице записку.

Агнес прочитала ее с возрастающим недоумением. Несомненно, сообщение было написано рукой лорда Палмерстона и самым недвусмысленным образом дозволяло странно одетой четверке занять его личную молельню. Но ради всего святого, как мог его светлость опуститься до подобных знакомств?

Стараясь ничем не выдать свою тревогу, Агнес перевела взгляд на низкорослого пожилого чужака. У него были такие же пронзительно-голубые глаза, как и у девушки, да и волосы тоже сохраняли светло-каштановый оттенок. Отец и дочь, заключила Агнес. Мужчина держался напряженно, стиснув руки и переминаясь с ноги на ногу. Несмотря на холодное февральское утро, лоб у него блестел от пота. Уж не болен ли он?

– Ступайте за мной, – проворчала Агнес и направилась по центральному проходу в сторону алтаря.

Здесьние частные молельни именовались кабинками. В отличие от рядов обычных скамей, перед алтарем пространство между проходами делилось на квадратные участки размером восемь на восемь футов, огражденные барьером высотой до пояса. Внутри каждой кабинки находились собственно скамьи, на которых могла разместиться вся семья ее владельца. Обстановка больше напоминала уютную гостиную: мягкие подушки, ковры на полу. В некоторых кабинках даже стояли столики, куда можно было положить цилиндр, перчатки или свернутый плащ.

Молельня лорда Палмерстона располагалась справа от центрального прохода в первом ряду, прямо перед алтарем. Никогда еще дорога к ней не казалась Агнес такой долгой. Служительница смотрела строго перед собой, но чувствовала, что внимание всех собравшихся в церкви обращено сейчас на нее и странных незнакомцев, идущих следом. Она дошла до беломраморной алтарной ограды, развернулась, долго искала под неодобрительными взглядами прихожан нужный ключ и наконец отперла дверцу в кабинку лорда Палмерстона.

– Если бы его светлость предупредил заранее, я бы все подготовила к вашему приходу, – принялась оправдываться Агнес. – Я даже угольную печурку не успела разжечь.

– Не стоит беспокоиться, – заверила ее девушка. – Здесь намного уютнее, чем в нашей церкви в Эдинбурге. Мы не могли арендовать там такую же молельню и всегда стояли в задних рядах.

«Стало быть, она из Шотландии, – подумала Агнес. – А один из спутников – ирландец. Это многое объясняет».

В кабинке лорда Палмерстона стояли три скамьи со спинками. Двое высоких мужчин устроились на средней из них. Девушка и ее отец заняли переднюю. Даже сидя, старик продолжал шевелить ногами.

Агнес заставила себя вежливо поклониться, снова звякнула ключами и направилась в сторону притвора, где к ней кинулся не менее озадаченный церковный староста.

– Знаете, кто этот коротышка? – спросил он, тщетно пытаясь сохранить хладнокровие.

– Понятия не имею, – ответила Агнес. – Могу лишь сказать, что ему не мешало бы привести одежду в божеский вид.

– Это же Любитель Опиума!

⁵ Генри Джон Темпл, лорд Палмерстон (1784–1865) – знаменитый английский государственный деятель.

Почтенная ключница опять решила, что ослышалась.

– Любитель Опиума? Томас Де Квинси?

– В декабре, когда случились те убийства, я видел его портрет в «Иллюстрейтед Лондон ньюс». Мне стало до того любопытно, что я отправился в магазин, где, как уверяла газета, он подписывал свои книги каждому покупателю. Недостойный способ заработать себе на хлеб, скажу я вам.

– Только не говорите, что он подписывал ту самую книгу! – Агнес даже понизила голос, упоминая скандально известную «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум».

– Он готов был подписать что угодно, если на обложке стояло его имя и кому-нибудь вздумалось купить экземпляр. А эта девушка в неподобающей одежде – его дочь. Тогда, в магазине, как только он тянулся в карман за бутылкой, она тут же подавала чай, чтобы отвлечь его.

– Боже милосердный! – охнула Агнес. – Так вы думаете, в бутылке был лауданум?

– А что же еще? Пока я находился в магазине, он выпил не меньше пяти чашек чая. Вообразите себе, сколько лауданума он успел бы принять, если бы дочь не стояла рядом. Надеюсь, не нужно объяснять, что сам я не купил ни одной его книги?

– Нет, что вы. Кому захочется по доброй воле читать эту отвратительную писанину, не говоря уже о том, чтобы покупать ее? Помилуй нас, Боже! Томас Де Квинси, Любитель Опиума, здесь, в церкви Святого Иакова!

– И это еще не все.

Агнес слушала старосту со все бóльшим смятением.

– Один из тех двоих, что с ним пришли, – детектив из Скотленд-Ярда.

– Быть того не может!

– Каждое утро я прогуливаюсь по Пикадилли мимо особняка лорда Палмерстона. И тот из мужчин, что помоложе, ежедневно является туда ровно в девять. Я сам слышал, как привратник называл его «сержант уголовной полиции».

– Уголовной полиции? Надо же!

– А еще я слышал, как привратник говорит с ним о другом детективе, вероятно раненом при поимке декабрьского убийцы. И тому второму оказывают врачебную помощь в доме лорда Палмерстона. Где, к слову сказать, обитают и Любитель Опиума со своей дочерью.

Агнес побледнела:

– Куда катится этот мир?

Впрочем, она не могла позволить себе долго сокрушаться. Вот-вот должен был приехать обещанный особый гость. Да и другие привилегированные прихожане начали нетерпеливо поглядывать на нее, дожидаясь, когда она наконец откроет их личные кабинки. Агнес сжала в руке связку ключей и направилась к ближайшему недовольному посетителю. Однако утро оказалось богатым на неожиданности. Мгновением позже почтенная ключница увидела, как в парадную дверь заходит сама Смерть.

В середине Викторианской эпохи к похоронным обрядам относились со всей серьезностью. Безутешная вдова, дети и родственники усопшего удалялись от мира, запираясь в четырех стенах собственного дома, и долгие месяцы носили траурную одежду. Вдове полагалось соблюдать траур по меньшей мере целый год и еще один день.

Оттого Агнес так поразило зрелище, которому она стала свидетельницей. Ошеломленные прихожане пяtilись от сурового худощавого мужчины, чьи сюртук, жилет и даже брюки были чернее черного. Королева Виктория и принц Альберт не одобряли в мужской одежде никаких других оттенков, кроме черного, серого и темно-синего, поэтому выделиться мрачностью наряда среди господ, собравшихся в церкви Святого Иакова, было довольно затруднительно. Однако в сравнении с одеждой незнакомца строгие костюмы остальных прихожан

казались едва ли не праздничными. Ко всему прочему, он носил самые черные перчатки, какие только можно представить, обвязал цилиндр траурной лентой и накинул на плечи черный плащ.

В подобной одежде, говорящей о невыносимо тяжелой утрате, не принято было появляться на публике, за исключением самих похорон горько оплакиваемого усопшего. Одевшись подобным образом к воскресной службе, мужчина поневоле привлек к себе всеобщее внимание.

Незнакомец появился не один. Он держал под руку женщину преклонных лет, судя по согбенной спине, в траурном одеянии, также выражающем глубокое горе. Жатый креп черного как ночь платья не отражал солнечный свет. Лицо женщины закрывала черная вуаль. Рука в черной перчатке прижимала к губам черный платок.

– Прошу вас, откройте нам молельню леди Косгроув, – обратился к Агнес мужчина.

– Леди Косгроув? – Ошеломленная служительница только теперь поняла, кто стоит перед нею. – Силы небесные, что случилось?

– Прошу вас, – повторил мужчина в черном.

– Но леди Косгроув прислала мне записку, что пропустит сегодняшнюю службу. Я не подготовила кабинку к ее приходу.

– У леди Косгроув большое горе, ей сейчас не до таких мелочей, как неубранная молельня.

Не дожидаясь ответа, мужчина повел свою неуверенно ступающую спутницу вдоль центрального прохода. Агнес снова почувствовала на себе взгляды прихожан и услышала взволнованный шепот за спиной. Дойдя до ограды алтаря, она повернула направо и миновала место лорда Палмерстона, занятое странной компанией во главе с Любителем Опиума. Маленький человечек по-прежнему беспокойно перебирал ногами.

Молельня леди Косгроув располагалась у правой стены. За долгие годы кабинка приобрела самый обстоятельный вид во всей церкви. Установленные в каждом углу столбы поддерживали балдахин. В холодную погоду можно было задернуть занавес, закрывая кабинку с трех сторон, за исключением обращенной к алтарю. Впрочем, владельцы нередко задвигали шторы и в теплые дни – якобы для того, чтобы взгляды других прихожан не мешали им молиться, хотя, вполне возможно, на самом деле они там просто дремали.

Агнес открыла дверцу, и леди Косгроув отняла от лица черный платок.

– Благодарю вас, – сказала она суровому мужчине.

– Всегда к вашим услугам, леди Косгроув, – ответил тот. – Примите мои глубочайшие соболезнования. – Он протянул ей черный конверт.

Дама скорбно кивнула и села на первую из трех установленных внутри кабинки скамей.

За спиной у Агнес послышалось деликатное покашливание. Возле алтарной двери стоял священник, готовый начать службу. Орган заиграл «Сын Божий вышел на войну»⁶, голоса певчих зазвенели под сводом церкви. Все с шумом поднялись с мест. Агнес поспешила вернуться в притвор, а когда обернулась, чтобы осведомиться у мужчины в трауре о горе, постигшем леди Косгроув, то, к собственному удивлению, нигде его не нашла.

«Куда же он мог подеваться?» – недоуменно подумала служительница, но тут же увидела алый мундир особого гостя, ожидающего за дверью, и с трудом уняла сердечный трепет.

Сын Божий вышел на войну
Для праведных побед.

⁶ Религиозный гимн Реджинальда Хиберга (1783–1826).

Под торжественные аккорды величественного гимна преподобный Сэмюэл Хардести подошел к алтарю, склонил перед ним голову и обернулся к прихожанам.

Он с гордостью оглядел свою паству. Служители и простолюдины стояли в задних рядах, благородные и состоятельные прихожане расселись на скамьях. С минуты на минуту должен был появиться особый гость. Викарий заметил четверых бедно одетых чужаков, явно не из Мейфэра, занявших кабинку лорда Палмерстона, и постарался скрыть смущение под лучезарной улыбкой.

С крайней левой стороны от него располагалась молельня леди Косгроув, и викарий испытал еще одно потрясение при виде траурного наряда владелицы. Она распечатала черный конверт и прочитала письмо, не поднимая вуали. После чего со скорбным видом поднялась с места и задернула занавес сначала с задней стороны кабинки, а затем и с боков.

Теперь ее горе не мог лицезреть никто, кроме викария. Она опустилась на колени и склонила голову, касаясь лбом ограждения.

Алый сполох привлек внимание священника к дверям церкви.

Цветное пятно становилось все ярче и заметнее. Сквозь толпу уверенно шел привлекательный светловолосый молодой человек в офицерском мундире с блестящими латунными пуговицами. Гордая осанка придавала ему бравый и решительный вид, но лицо оставалось задумчивым, а в умных внимательных глазах затаилась боль, о причинах которой нетрудно было догадаться. Раненая правая рука молодого офицера висела на перевязи, так что сохранять армейскую выправку ему, вероятно, стоило немалого труда. Сопровождала его прелестная девушка со своими родителями.

Особым гостем являлся полковник Энтони Траск, о чьих подвигах в Крымской войне шумел весь Лондон. Во время осады Севастополя этот храбрый офицер собственноручно отправил в мир иной не меньше тридцати вражеских солдат. Когда у него закончились патроны, полковник Траск со штыком наперевес повел своих людей в победоносную атаку по залитому кровью склону. Он вселил уверенность в уставших бойцов, отразив с полдюжины контратак противника. Мало того, он еще и спас жизнь попавшему в окружение герцогу Кембриджскому, кузену самой королевы.

По возвращении героя в Лондон королева Виктория произвела его в рыцари. Как сообщила «Таймс», когда ее величество назвала Траска «сэр» в соответствии с новым титулом, полковник попросил по-прежнему обращаться к нему по воинскому званию: «В знак уважения к храбрым солдатам, бок о бок с которыми я сражался, и в особенности к тем, кто погиб на этой проклятой войне». Королева побледнела, услышав вульгарное словцо, и Траск поспешно добавил: «Простите мой грубый язык, ваше величество. Эта привычка осталась у меня со времен строительства железной дороги». Следует сказать, что Траск не только строил железную дорогу, но и владел ею вместе с отцом, сколотив немалое состояние. Богатый, привлекательный, храбрый – поговаривали, что все молодые аристократы Лондона люто ненавидят его за очевидную безупречность.

Под торжественные звуки гимна полковник со своими спутниками прошел к переднему ряду. Агнес отперла дверцу кабинки, и молодой офицер помог прекрасной девушке и ее родителям занять место на скамье.

Орган грянул заключительный аккорд, и церковь Святого Иакова погрузилась в благоговейную тишину.

Преподобный Сэмюэл Хардести широко улыбнулся:

– Я счастлив приветствовать всех собравшихся, и в особенности – полковника Траска, чей героизм так воодушевляет нас.

Многие прихожане вскинули было руки, чтобы заплодировать, но вспомнили, где находятся, и сдержали порыв.

Викарий перевел взгляд влево, на леди Косгроув:

– Всякий раз, когда на плечи ложится тяжкий груз скорби, вспомним о том, что приходится выносить нашим храбрым солдатам. Если у них хватает сил держаться, хватит и у нас.

Леди Косгроув, скрытая за шторами, сохраняла прежнюю коленопреклоненную позу, упираясь лбом в перила.

– И нет таких испытаний, посланных Богом, какие мы не в силах вынести. Воистину, если Господь на нашей стороне...

Еще один алый проблеск остановил речь викария. На сей раз его отвлек не мундир полковника Траска, а небольшая лужица на полу перед скамьей леди Косгроув. Заметив заминку священника, прихожане встревоженно зашептались.

– Итак, если Господь на нашей стороне...

Алая жидкость перед кабинкой леди Косгроув растекалась все шире. «Может быть, ее светлость что-то пролила? – гадал викарий. – Принесла с собой флакончик с лекарством и нечаянно уронила?»

Внезапно леди Косгроув шевельнулась. Прикрытое вуалью лицо обратилось кверху, а тело начало медленно сползать вниз.

– Господи! – воскликнул викарий.

Голова леди Косгроув запрокинулась еще больше, и теперь священник видел ее рот, который раскрывался все шире и глубже. Но – помилуй нас, Боже, – принадлежал он не леди Косгроув, ибо не бывает на свете столь огромных и кроваво-красных ртов.

Горло пожилой леди перерезали от уха до уха. Закрытое вуалью лицо непостижимым образом по-прежнему глядело в потолок, в то время как тело почти опустилось на пол.

– Нет!

Викарий отшатнулся прочь от алтарной ограды, в ужасе таращась на алую лужицу, с каждой секундой увеличивающуюся в размерах.

Зияющая рана на горле леди Косгроув раскрывалась все шире, а голова клонилась все дальше, грозя вот-вот отделиться от шеи.

И тогда преподобный Сэмюэл Хардести завопил во все горло.

Из дневника Эмили Де Квинси

К утру сильный ветер очистил небо от ночного тумана. Но улыбка лорда Палмерстона затмевала даже солнце, когда он вышел поприветствовать нас, почти не скрывая надежды, что эта встреча станет последней.

Радуясь избавлению от неудобных гостей, один из самых влиятельных политиков Британии от всей души пожал нам руки на пороге своего особняка. Несмотря на войну и кризис, повлекший падение правительства, голос лорда Палмерстона был полон воодушевления:

– Насущные государственные дела не позволяют мне дожидаться вашего возвращения из церкви. – Глаза его сияли меж каштановыми бакенбардами. – Но уверяю вас, багаж уже будет собран, и мой экипаж доставит вас на вокзал.

После успеха в декабрьском расследовании лорд Палмерстон сам предложил нам с отцом остановиться в своем особняке, пока мы не придем в себя. В наше распоряжение были отданы комнаты прислуги на верхнем этаже. Хозяин дома оказал ту же любезность инспектору Райану, подчеркнув, что тот может пользоваться его гостеприимством, пока не оправится от ран. Но никто из нас и в мыслях не держал, что мотивы его

светлости хотя бы отчасти бескорыстны. Бывший военный секретарь и министр иностранных дел сейчас возглавлял министерство дел внутренних и заведовал почти всем, что происходило на территории Англии, в особенности вопросами, касающимися национальной безопасности и полиции.

Я чувствовала его беспокойство: во время тех печальных событий мы могли узнать нечто компрометирующее. Довольно часто он задавал невинные на первый взгляд вопросы, ответы на которые могли показать степень нашей осведомленности.

Однако наши слова ничего не проясняли, и после семи недель бесплодных тревог по поводу собственного положения нельзя винить лорда Палмерстона за вежливое, но настойчивое стремление распрощаться с нами. Я даже удивлена, что он терпел нас так долго. Вернее, терпел отца, который беспрерывно бродил по комнатам, пытаясь справиться с пристрастием к лаудануму, что несказанно действовало на нервы его светлости.

Несколько ночей назад, когда колокол церкви Святого Иакова пробил три, я спустилась в банкетный зал, чтобы забрать отца. Он прохаживался там, и эхо шагов разносилось по всему спящему дому. Замешкавшись у приоткрытой двери, я сквозь щель увидела напротив отца лорда Палмерстона, в халате, с зажженным трехсвечным канделябром в руке, и, не решаясь прервать их беседу, вынуждена была подслушивать.

– Господь милосердный, неужели опиум не усыпляет вас? – раздраженно говорил его светлость.

– Напротив. Согласно браунизму...

– Браунизму? Что это такое, черт возьми?

– Джон Браун разработал свою медицинскую систему в Эдинбургском университете. Во время своей учебы там вы, возможно, ознакомились с его «Elementa Medicinae»⁷.

– В жизни не слышал ни о каком браунизме.

– Доктор Браун утверждает, что врачи нарочно вводят в заблуждение простых людей, изобретая различные способы сделать медицину более мудреной, чем она есть на самом деле. Так они выглядят куда умнее своих пациентов.

– Не только врачи, но также законники и политики пускают пыль в глаза. Уж вы-то могли догадаться, – заметил лорд Палмерстон.

В темноте холла мне вдруг показалось, что рядом кто-то есть. Я даже вздрогнула и, быстро обернувшись, обнаружила леди Палмерстон, стоявшую рядом. Свет, что пробивался из банкетного зала, едва рассеивал тьму, но его хватало, чтобы рассмотреть встревоженное лицо ее светлости под оборками чепца. От хозяйки дома можно было ожидать недовольства моей бестактностью, однако ее взгляд, напротив, говорил о том, что в последнее время она беспокоится о супруге не меньше, чем я об отце.

Мы обменялись кивками и снова прислушались к беседе.

– Милорд, согласно системе Брауна, болезни случаются либо от недостатка возбуждения, либо от его избытка. Когда

⁷ «Основы медицины» (лат.).

противоположности находятся в равновесии, итогом является хорошее здоровье, – пояснил отец.

– В данный момент, – устало сообщил хозяин дома, ставя канделябр на стол, – я страдаю от слишком уж большого возбуждения.

– Из-за войны и крушения правительства, милорд? У вас, должно быть, немало забот.

– Разговоры о войне вызывают у меня головную боль. Лучшие ответы: некоторые люди умирают от ложки лауданума, а вы пьете его унциями и не только способны двигаться, но двигаетесь беспрестанно. Отчего опиум не утомляет вас?

– В браунизме опиум считается стимулятором, милорд. Самым сильным из препаратов, которые поддерживают жизнь и восстанавливают здоровье.

– Ха!

– Однако это правда, милорд. Когда я был студентом и во время тяжелой болезни впервые попробовал лауданум, то ощутил небывалый прилив сил. Я без конца бродил по городу. На рынках и людных улицах улавливал каждое слово в сотнях разговоров вокруг. На концертах слышал тончайшие тона между нотами и парил на невообразимых высотах. Причина моей нынешней неусидчивости заключается в уменьшении дозы опиума до благоразумного уровня.

– Что мне хотелось бы уменьшить, так это головную боль.

В тени за пределами банкетного зала леди Палмерстон вцепилась мне в руку.

– Если позволите... – Отец вынул из кармана флакон. – Это уймет ваши муки.

– Королева испытывает столь сильную антипатию ко мне, что будет только рада, если узнает, что я пил с вами опиум.

– Один глоток не вызовет привыкания, милорд. Но если вы не верите в пользу лауданума, то рекомендую вам пройтись со мной. В лучшем случае физические упражнения снимут нервное напряжение. В худшем – нагонят на вас сон.

– Это было бы благословением.

Мы с леди Палмерстон наблюдали за странной ночной прогулкой двух пожилых мужчин. Рядом они выглядели весьма нелепо: стремительная фигурка в потрепанном сюртуке и полный достоинства сиятельный муж в халате, ночном колпаке и домашних туфлях. Несмотря на свой более чем скромный рост и короткие ноги, отец быстро обогнал министра.

– А вы проворны для старика, – скрепя сердце признал лорд Палмерстон.

– Спасибо, милорд. – Отец не стал уточнять, что в свои семьдесят хозяин дома на целый год старше его. – Стараюсь проходить по крайней мере двадцать миль в день. За прошлое лето мне удалось преодолеть шестнадцать сотен миль.

– Шестнадцать сотен миль. – Похоже, лорда утомляло одно только повторение числа.

Отец первым добрался до противоположной стороны зала и повернул назад.

– «Таймс» придумала новое чудище под названием «военный корреспондент», – ворчливо поделился своими бедами лорд Палмерстон.

– Да, я знаком с репортажами Уильяма Рассела из Крыма, – отозвался отец.

– Рассказы Рассела едва ли можно назвать правдой.

– Дела обстоят не настолько плохо? Тогда изобличите его ложь, милорд.

– Хотелось бы мне, чтобы он попросту лгал. Бездарность чиновников делает войну еще страшнее, чем описывает Рассел. От болезней и голода умирает больше солдат, чем от вражеских пуль. Но кто бы мог подумать – газетный писака заполучил такую власть над людскими умами, что сверг правительство. Господи, бедная моя голова!

На следующее утро лорд Палмерстон ни единым жестом не показал, что помнит о зародившихся накануне добрых отношениях. Напротив, он вел себя даже грубее обычного, возможно чувствуя неловкость из-за проявленной слабости. Стало очевидным, что мы с отцом должны уехать, даже если придется встретиться с многочисленными взыскателями долгов, ожидающими нас в Эдинбурге.

Между тем инспектор Райан (которого я в личных беседах зову Шоном) достаточно оправился от ран и мог сопровождать нас в церковь. Недавно возведенный в чин детектива сержант уголовной полиции Беккер (его я зову Джозефом) тоже присоединился к нам. Семь недель назад, в первую встречу, их подозрения, будто отец виновен в убийстве, вызвали во мне настоящую ненависть к ним. Но едва мы объединились против опасности, грозящей не только нам самим, но и всему Лондону, я обнаружила в себе растущее расположение к обоим, хоть и несколько разной природы.

В свои двадцать пять Джозеф всего на четыре года старше меня. Вполне естественно, молодость сближает нас, и стоит признаться, что он весьма привлекателен. Шону же сорок, он старше меня почти на два десятка лет. Как правило, такая разница в возрасте разделяет людей, но есть нечто чарующее в уверенности и опыте, которые отличают обращение инспектора со мной. Я ощущаю едва уловимое соперничество между детективами, говорить о котором ни один из нас не осмеливается. И не планирует, поскольку это воскресное утро должно стать последним из тех, что мы проведем вместе, да еще вдобавок на церковной службе, где мы намерены воздать хвалу за спасение наших жизней и дарованную нам дружбу.

Преподобный Сэмюэл Хардести продолжал вопить. Шепот прихожан перешел во встревоженный гул. Неужели викарий лишился рассудка? И зачем, ради всего святого, он тычет пальцем в сторону молельни леди Косгроув?

В добавление ко всем потрясениям один из убого одетых незнакомцев, которые заняли место лорда Палмерстона, перепрыгнул через ограду и помчался туда, куда указывал священник.

К воплям викария присоединился женский крик. Затем еще один и еще. Полковник Траск открыл дверцу и, поддерживая левой рукой перевязь с больной правой, вышел из кабинки, чтобы выяснить причину волнения. Ободренные видом его алого мундира, другие джентльмены тоже посчитали себя вправе посмотреть, что происходит.

– Помилуй нас, Боже! – ахнул один из них.

– Кровь! На полу кровь! – подхватил другой.

Под несмолкающие крики прихожане заметались по церкви. Одни поспешили к алтарю узнать, что случилось, другие бросились в противоположную сторону к спасительной двери. Джентльмены сталкивались с джентльменами, дамы – с дамами. Агнес едва не затоптала ногами, но староста успел оттащить ее в сторону.

– Кровь!

– Прочь с дороги!

Священник кинулся к леди Косгроув, но кто-то наступил ему на подол облачения, едва не опрокинув на пол. Тот самый чужак, что выскочил из кабинки лорда Палмерстона, подхватил викария как раз вовремя, прежде чем тот рухнул в багровую лужу, разлившуюся под ногами.

Второй бедно одетый незнакомец открыл дверцу кабинки и загородил собой дорогу тем, кто хотел подобраться поближе к месту происшествия. Подняв над головой полицейский значок, он громко объявил:

– Я инспектор Скотленд-Ярда. Успокойтесь и вернитесь на свои места!

Его слова потрясли прихожан. «Инспектор Скотленд-Ярда? У нас, в Мейфэре? В церкви Святого Иакова?»

Паника усиливалась.

– Вы мешаете мне пройти! – рявкнул какой-то господин своему соседу, угрожающе выставив перед собой трость.

– Стойте! – воскликнул инспектор и поднял значок еще выше. – Сядьте на свои скамьи и держите себя в руках, пока никто не пострадал.

– Кое-кто уже пострадал! – возразил тот же господин и велел другому лорду: – Прочь с дороги!

Полковник Траск вернулся к своей кабинке и встал на скамью. И без того рослый, он теперь возвышался над всеми прихожанами.

– Слушайте все! – крикнул он повелительным тоном, какой мог принадлежать только строителю железной дороги или офицеру, вернувшемуся из пекла Крымской войны. – Эй вы! И вас тоже касается, сэр! Всех до единого! Выполняйте распоряжение инспектора и садитесь на свои скамьи!

Суматоха не унималась.

– Пропади вы все пропадом! – взревел полковник Траск.

На него наконец обратили внимание. Столь недопустимых выражений в церкви Святого Иакова еще не слыхивали.

– Черт побери, делайте, что вам говорят!

Теперь его слова повергли в ужас абсолютно всех. Прихожане замерли, раскрыв рты и выпучив глаза. Возможно, некоторые благовоспитанные леди слышали подобное впервые в жизни. Одной из дам сделалось дурно.

– Чем раньше мы восстановим порядок, тем скорее получим ответы на наши вопросы. Неужели вы не хотите узнать, что здесь произошло?

Обращение к любопытству сыграло свою роль, равно как и повелительный тон Траска. Все покорно вернулись на свои места.

Инспектор последовал примеру полковника и тоже встал на скамью. Его рыжая ирландская шевелюра привлекала не меньше внимания, чем полицейский значок.

– Меня зовут инспектор Райан. А тот человек, что сейчас разговаривает с викарием, – детектив сержант Беккер.

Еще один детектив!

Зычный голос Райана чуть дрогнул. Инспектор прижал руку к животу, стараясь унять ноющую рану.

– Оставайтесь на своих местах. Мы должны опросить каждого на тот случай, если вы заметили нечто важное. Это поможет расследованию.

Беккер помог священнику выпрямиться, затем повернулся к багровой луже перед молельней. Кровь продолжала сочиться из-под дверцы. Аккуратно обойдя ее, сержант возвратился к кабинке лорда Палмерстона и снова перепрыгнул ограждение. Металлические кольца заскрежетали по направляющей, когда он отдернул занавес на соседней кабинке и заглянул внутрь.

Поскольку взоры всех прихожан обратились к нему, Беккер изо всех сил старался не выдать эмоций. После событий, случившихся семь недель назад, ему казалось, что ничто уже не способно потрясти его.

Облаченная в черное женщина, недавно вошедшая в кабинку, распростерлась на полу. Точнее говоря, прежде ее одежда была черной, а теперь пропиталась багровой жидкостью, разлившейся по всей кабинке. В правой руке женщина сжимала лист бумаги с черной траурной каймой. Записка, как и сам конверт, тоже была в пятнах крови. Голова несчастной так и осталась запрокинутой, и закрытое вуалью лицо было обращено едва ли не к задней стенке кабинки. Рана на горле разверзлась настолько, что Беккер мог различить позвонки позади трахеи.

По привычке, выработанной за пять лет патрульной службы, он потянулся к трещотке, висевшей прежде у него на ремне. Бывший констебль готов был выбежать из церкви, поднять свое деревянное орудие и завертеть им над головой. Основание вращающейся лопасти при каждом обороте задевало о выступ на рукоятке, издавая громкие щелчки, которые услышали бы все патрульные в четверти мили вокруг.

Но у Беккера больше не было при себе ни трещотки, ни даже ремня. Детектив носил гражданскую одежду. И обязан был принять всю ответственность на себя.

Почувствовав чье-то присутствие у себя за спиной, Беккер обернулся к священнику, вошедшему вслед за ним в кабинку лорда Палмерстона. Вид распростертого за ограждением тела ошеломил викария. Колени у него подогнулись, в лице не было ни кровинки. Беккер поспешил подхватить его и усадить на скамью.

Тут рядом с сержантом появился кое-кто еще – Де Квинси. Из-за малого роста ему пришлось подняться на цыпочки, чтобы заглянуть за перегородку. Казалось, залитое кровью и неловко растянувшееся на полу тело не произвело на него никакого эффекта, если не считать сосредоточенного выражения его голубых глаз.

– У вас все в порядке? – осведомился Беккер.

Любитель Опиума промолчал, не отводя взгляда от трупа женщины. Впервые за утро старик перестал ерзать.

– Не знаю, зачем я спрашивал, – заключил сержант. – Когда дело доходит до подобных вещей, у вас всегда все в полном порядке. – Он обернулся к Эмили, которая осталась сидеть, но внимательно наблюдала за отцом. – А вы, Эмили? Вы хорошо себя чувствуете?

– Что там у вас?

– Женщина в черном.

– Мертвая?

– Да.

– Может, она упала и ударилась головой? – предположила Эмили. – Просто несчастный случай?

– Думаю, все куда серьезнее.

Любая другая на месте Эмили забросала бы сержанта вопросами: «Ее убили? Как? За что? Откуда столько крови? А вдруг нас всех убьют?» Но девушка лишь выслушала ответ Беккера и решительно кивнула:

– Исполняйте свой долг, Джозеф. Не беспокойтесь за нас с отцом.

– Да уж, семь недель назад вы весьма убедительно доказали, что за вас можно не волноваться, – согласился Беккер.

К кабинке подошел инспектор Райан и остановился возле лужи крови. Следом за ним приблизился и полковник Траск. Взглянув на Эмили, он нахмурился, словно встревоженный чем-то. Девушка невольно задумалась. Судя по выражению лица полковника, он уже видел ее прежде, но Эмили не представляла, где это могло случиться.

Траск резко повернулся к молельне леди Косгроув. Высокий рост позволил ему заглянуть внутрь, не ступая в лужу крови. Лицо полковника посуровело, но скорее от удивления, нежели от потрясения. Вне всякого сомнения, на войне он достаточно насмотрелся примеров насильственной смерти, чтобы трепетать при виде трупа.

– Чем я могу быть полезен, инспектор? – выпрямив спину, спросил Траск.

– Нужно удержать людей как можно дальше от места происшествия, – объяснил Райан. – Если здесь соберется толпа, кто-нибудь непременно наступит в кровь, и тогда мы не сможем определить, какие следы оставил убийца, а какие – случайные свидетели.

– Заверяю вас, что ничего подобного не допущу. – Полковник встал на страже перед багровой лужей на полу.

Инспектор обернулся, разыскивая взглядом сержанта:

– Беккер, что скажете?

– Не понимаю, как убийца проник в кабинку незамеченным, – признался тот. – И как ему удалось улизнуть?

Райан и сам был сбит с толку.

– Да, здесь кругом столько крови, что убийца наверняка испачкал ею одежду. Даже когда поднялась паника, он все равно не мог бы сбежать, не привлекая внимания. – Райан умолк, пораженный внезапной догадкой. – Если он вообще сбежал.

– Думаете, преступник до сих пор прячется где-то здесь? – Беккер обвел церковь пристальным взглядом.

– Позовите констеблей, – приказал Райан. – Как можно больше.

Сержант торопливо зашагал вдоль центрального прохода, а вслед ему поворачивались бледные пятна лиц испуганных прихожан.

– Составьте список всех, кто покинул церковь, – на ходу велел он старосте. – Закройте за мной дверь и больше никого не выпускайте.

Услышав, как Беккер выскочил на улицу, Райан сосредоточил внимание на священнике.

Тот сидел на скамье в кабинке лорда Палмерстона, наклонив голову к коленям. Эмили устроилась рядом, успокаивающе положив руку ему на плечо.

– Вот так-то лучше. Не поднимайте голову. Дышите глубже.

– Викарий, вы в состоянии ответить на мои вопросы? – осведомился Райан. – Я слышал, как человек, сопровождавший даму в соседнюю молельню, назвал ее леди Косгроув.

– Да, так и есть.

– Мне известен только лорд Косгроув. Он возглавляет Комитет по надзору за тюремными учреждениями.

– Это ее муж, – ответил священник.

– Почему она в трауре? Разве лорд Косгроув умер?

– Я виделся с ним только вчера. И он был в полном здравии. – Голос священника, спрятавшего лицо в коленях, звучал глухо. – Я крайне удивился, увидев сегодня леди Косгроув в таком наряде.

– Вы не заметили, как на нее напали? – задал Райан следующий вопрос.

– Нет, я вообще никого не видел в ее молельне, кроме нее самой. – Викарий вздрогнул. – Она стояла на коленях, упираясь лбом в перила. Тут я заметил кровь на полу. Потом ее тело поползло вниз, а голова откинулась. Господи помилуй! Как такое могло случиться?

– Еще один медленный глубокий вдох, – посоветовала Эмили.

Инспектор подошел к перегородке между кабинками лорда Палмерстона и леди Косгроув.

Де Квинси все еще стоял на прежнем месте, глядя на труп женщины.

– Слышали, что он сказал? – спросил Райан.

Его низкорослый собеседник задумчиво кивнул.

– Должно быть, нападавший прятался под задней скамьей, – предположил Райан. – А потом священника отвлекло появление гостя.

– Возможно, – произнес Де Квинси.

– Других вариантов нет. – Райан старался говорить как можно тише, чтобы его не подслушали. – На убийцу обязательно обратили бы внимание, если бы он отодвинул шторы, пытаясь забраться в кабинку сзади или сбоку. А мы с наших мест непременно увидели бы, если бы он подошел спереди. К тому же сама леди Косгроув в любом случае должна была его заметить и закричать. Единственное возможное объяснение – убийца спрятался под скамьей, а потом, когда заиграла музыка и все отвлеклись, набросился на жертву.

– Возможно, – повторил Де Квинси.

– Почему вы говорите так уклончиво? Вы видите ошибку в моих рассуждениях?

– Вуаль леди Косгроув нетронута.

– Разумеется. Если убийца хотел нанести смертельный удар, достаточно было потянуть подбородок жертвы кверху, тогда вуаль тоже поднялась бы и обнажила горло, – объяснил Райан.

– Но такая последовательность действий оставила бы леди Косгроув время, чтобы оказать сопротивление или хотя бы закричать, – возразил Де Квинси. – Кроме того, столь явное насилие могло привлечь внимание священника, несмотря на все отвлекающие факторы.

– Однако не привлекло, – подчеркнул Райан.

– Для тщательно продуманного преступления слишком необъяснимый риск, – продолжил рассуждать Де Квинси. – Кроме того, мы позволяем себе существенное допущение.

– Какое еще допущение?

– Вспомните Иммануила Канта, инспектор.

– Иммануила?.. Только не говорите мне, что снова намерены пуститься в рассуждения о нем!

– Вопрос, который занимал великого философа, уже оказал нам неоценимую помощь семь недель назад. Существует ли объективная реальность независимо от нас...

– ...или она просто проекция нашего сознания? Я сам скоро потеряю последние остатки сознания от ваших вопросов.

– Мы слышали, как сопровождавший даму человек назвал ее леди Косгроув, – напомнил Де Квинси.

– Верно, – согласился Райан.

– И видели, как ее провели к скамье леди Косгроув. А вслед за этим викарий тоже назвал ее леди Косгроув, – добавил Де Квинси.

– Да, правильно, – нетерпеливо кивнул инспектор.

– Но, как мы уже отметили, женщина носила вуаль.

Догадавшись, к чему он клонит, инспектор неразборчиво пробормотал какое-то слово, вполне возможно нечасто раздающееся в церкви.

– Откуда нам знать, что эта женщина на самом деле и есть леди Косгроув? – спросил Де Квинси.

Райан обернулся к священнику:

– Викарий, вы часто виделись с леди Косгроув?

– Время от времени. Вчера она приглашала меня на чай.

– Спасибо. Полковник Траск, могу я попросить об услуге? – Райан подошел к полковнику и заговорил тише: – У меня есть для вас задание, но с ним справится только истинный герой.

– Истинными героями были солдаты, что сражались и умирали рядом со мной, – ответил Траск.

– Несомненно, но, как часто напоминает мне мистер Де Квинси, реальность у каждого своя.

– Не понимаю, что вы хотели этим сказать.

– Вы готовы предстать героем в глазах викария?

– Что я должен сделать? – озадаченно произнес полковник.

Инспектор объяснил, и Траск помрачнел.

– Хорошо. Но это потребует немало мужества и от самого викария.

Они вернулись к скамье лорда Палмерстона.

– Викарий, – обратился к священнику полковник Траск. – Будьте любезны, посмотрите на меня.

Священник поднял голову и повернул к нему посеревшее лицо.

– Я хочу признаться вам в том, о чем никогда и никому не рассказывал, – заявил полковник.

Морщины на лбу священника стали глубже.

– Случалось, во время наступления противника мне было так страшно, что колени дрожали. Хотелось упасть в грязь и спрятаться среди трупов.

Священник растерянно заморгал:

– Трудно представить, что такому человеку, как вы, бывает страшно.

– Иногда каждому из нас хочется спрятаться. Но мы заставляем себя делать то, что требуется. Готовы ли вы сделать то, что требуется, викарий?

– Не уверен, что правильно понимаю вас.

– Сейчас я попрошу вас заглянуть за ограждение.

– Но ведь там же леди Косгроув! – ахнул священник.

– Вот именно. Сейчас вы поймете, почему мне нужна ваша помощь, – продолжил полковник. – Так вы готовы сделать необходимое? Готовы стать в моих глазах героем?

Викарий помедлил немного, а затем кивнул.

– Независимо от своих усилий священник и воин идеально уравнивают баланс рядом с любым чудовищем, – пробормотал Де Квинси.

– Священник – в большей степени, – заметил полковник Траск и обернулся к Райану: – Как только будете готовы, инспектор.

Райан вздохнул и задрал штанину на левой ноге. Прихожане громко ахнули, когда он достал нож из закрепленного ремнем на лодыжке ножен. Солнечный свет заиграл на стальном лезвии.

– Убийца может до сих пор прятаться под скамьей, – шепнул Райан полковнику.

– Если так, то обещаю вам, инспектор, что далеко он не убежит, несмотря на мою поврежденную руку.

– Я рад, что вы здесь, полковник.

При других обстоятельствах Райан, возможно, уступил бы колебаниям, но на глазах у полковника он не мог проявить малодушие. Собравшись с силами, он влез на скамейку и перешагнул на другую, находящуюся уже в кабинке леди Косгроув.

Спинка переднего сиденья мешала рассмотреть, что находится под задними. Даже нагнувшись, Райан видел только густую тень. Прерывисто дыша и держа нож наготове, он прислонился едва зажившим животом к спинке первой скамьи и перегнулся через нее. Затем, стараясь не думать о том, что его ожидает, инспектор опустил голову и взгляделся в пространство под скамьями.

Там никого не было. Чувствуя, как колотится в груди сердце, Райан оглянулся на Траска и Де Квинси и покачал головой, показывая, что опасности нет.

– Прошу вас, викарий, подойдите сюда, – пригласил полковник.

Не желая наступать в кровь и нарушать тем самым картину преступления, Райан остался лежать на скамье. Его мучило от густого, отдающего медью запаха крови, однако он вытянул руку и подцепил кончиком ножа вуаль покойницы. Чувствуя, как растягиваются швы на животе, инспектор напряг мышцы и отбросил ткань с ее лица.

– Викарий, это действительно леди Косгроув? – спросил Траск.

– Да, упокой Господь ее душу.

Райан услышал глухой стук и решил, что священник упал в обморок.

– Обопритесь на меня, – донесся до инспектора голос Эмили.

Опустив голову еще ниже к залитому кровью полу, Райан потянулся ножом к зажатому в руке покойницы листку бумаги и сумел подцепить его. Зажав письмо в свободной руке, он нанизал на острие клинка пропитанный кровью конверт, лежавший на полу рядом с трупом.

Затем инспектор поднялся со скамьи и осмотрел находку. Черным оказался не только конверт, но и восковая печать. Само письмо тоже окантовывала черная рамка шириной в дюйм, обозначающая самую глубокую скорбь отправителя.

Гадая, какую ужасную новость могла получить леди Косгроув перед смертью, Райан развернул смятый листок.

Там было всего два слова.

Осознав заключенный в них ужасный смысл, инспектор потрясенно воззрился на записку.

На него шквалом обрушились воспоминания.

О событиях, случившихся пятнадцатью годами раньше.

Об испуганных криках и выстрелах.

О невообразимой панике и сумятице.

Услышав тяжелые удары в дверь, инспектор вздрогнул и тряхнул головой.

Глава 3

Обитель смерти

Идея о необходимости сохранять место происшествия нетронутым появилась лишь за несколько десятилетий до 1855 года. Грамотное расследование невозможно без хорошей организации, а лондонская полиция – первая в Англии общегородская служба охраны порядка – была создана только в 1829 году. Основные принципы ее работы сформулировали два полицейских комиссара: отставной армейский полковник Чарльз Роуэн и поднаторевший в уголовных делах адвокат Ричард Мэйн. На первых порах военный опыт Роуэна оказался весьма полезным: он помог организовать полицию по армейскому образцу, используя систему уставов и воинских званий. Но затем на передний план вышли принципы судебной экспертизы Мэйна.

Он прекрасно понимал: одно дело – арестовать предполагаемого преступника, и совсем другое – доказать его виновность в суде, действующем на основании законов. Комиссар объяснял полицейским, что сбор доказательств – не менее важная часть их работы, чем сам арест. Тщательный осмотр места преступления, опрос возможных свидетелей, изыскание и регистрация улик – все это были поистине революционные методы.

Также Мэйн настоял на необходимости составлять подробные досье на каждого арестованного: рост, вес, цвет волос и глаз, наличие шрамов, кличка, образец почерка, если подозреваемый умел писать, – словом, любая полезная информация, которая могла доказать в суде причастность к преступлению. Комиссар разработал систему так называемых маршрутных листов, которые содержали подробное описание всех нераскрытых преступлений по каждому району и ежеутренне выдавались заступающим на дежурство патрульным.

«Улики – вот что поможет арестовать злодея и посадить его в тюрьму, – настаивал Мэйн. – Каждый преступник оставляет следы. Ищите их, изучайте их. Мне нужны любые подробности».

В дверь церкви продолжали стучать.

– Откройте! – донесся снаружи голос. – Это детектив сержант Беккер.

– Впустите его, – велел Райан.

Он вернул нож на прежнее место под брючину, положил конверт и листок с пугающими словами в карман и направился к кабинке лорда Палмерстона.

К нему шагнул полковник Траск:

– У вас такое лицо... Что вы прочли в том письме?

Райан сделал вид, что не услышал. Пересиливая боль от едва затянувшейся раны на животе, инспектор обогнул стоявшего на дороге Де Квинси и поспешил по центральному проходу туда, где староста уже открывал дверь.

Лицо Беккера блестело от пота. Он привел с собой дюжину констеблей.

– Остальные скоро подойдут, – заверил он.

– Хорошо. Задействуем всех, сколько бы ни пришло.

Одной дюжины действительно не хватило бы. И двух, и даже трех. Нужно было опросить всех присутствующих, не говоря уже о тех, кто убежал, услышав крики о крови. Обшарить все углы и закоулки церкви: в ризнице, во внутренних помещениях, на колокольне, под каждой скамьей, за органом, на хорах – везде. Опознать каждого прихожанина и проверить, нет ли у него крови на одежде.

Райан отыскал взглядом Агнес, старшую ключницу церкви.

– Как имя того человека, что сопровождал леди Костроув?

– Никогда прежде не видела его.

Инспектор обратился к старосте и младшим служителям:

– Вы знаете мужчину, который пришел вместе с леди Косгроув?

– Такое мрачное лицо я бы наверняка запомнил, – ответил один.

– В эту церковь он никогда не ходил, я вам точно говорю, – добавил другой.

Констебли двигались от скамьи к скамье, опрашивая прихожан. Высокие ограждения создавали иллюзию разговора с глазу на глаз, хотя голоса раздавались на всю церковь.

– Через два часа меня ждут на обеде в доме моего дяди. Вы ведь не думаете, что я намерен тут торчать, пока вы...

– Расстегнуть сюртук? И жилет? Констебль, уж не собираетесь ли вы меня обыскивать? Мы с комиссаром Мэйном посещаем один и тот же клуб, и если вы не прекратите...

– Что я видел? Девицу в нелепых панталонах под юбкой и с ней – двух бедно одетых мужчин, которые, как теперь выяснилось, служат в детективной полиции. А еще маленького человечка в сюртуке с потертыми локтями, и, как мне сказали, это тот самый Любитель Опиума. Здесь, в церкви Святого Иакова! Вот что я видел! Любитель Опиума – его-то вам и нужно проверить!

Пока Райан шел по главному проходу, подобные реплики повторялись снова и снова, с одинаковым раздражением добропорядочных людей, насильно задержанных полицией и подвергнутых допросу.

И такая реакция вовсе не была проявлением грубости.

Убийство леди Косгроув действительно потрясло богатых и влиятельных обитателей Мейфэра, в особенности потому, что произошло в церкви. Однако высшее сословие Лондона в любом случае воспринимало действия полиции как вторжение в свою личную жизнь. Респектабельные господа не совершают преступлений. Это удел бедняков. Если двое рабочих подрались в таверне или грабитель притаился в темном переулке, чтобы отобрать у прохожего кошелек, – какое отношение все это имеет к жителям Мейфэра? И не думают же, в самом деле, эти простолюдины, называющие себя констеблями, – а на службу в полицию шли только представители низших классов, – будто кто-либо из прихожан церкви Святого Иакова мог убить леди Косгроув? Если осмотреть соседние улицы, там непременно отыщется какой-нибудь чужак, не проживающий в Мейфэре. Вот чем должна заняться полиция, вместо того чтобы мешать порядочным людям отправиться в загородный дом или к родственникам на воскресный обед, запланированный еще неделю назад.

Не слушая ничьих жалоб, инспектор оглянулся на появившегося в дверях небритого мужчину в мятой одежде и с сумкой через плечо.

Мужчина кивнул Райану, пробиваясь к нему через сутолоку.

– Возможно, вы слишком рано поднялись с больничной койки, – заметил мужчина, дыша на инспектора перегаром. – Судя по тому, как вы прижимаете руку к животу.

– Просто беспокоят швы, – объяснил Райан.

– Похоже, вас буквально сшили по кускам. Думаю, вам лучше присесть.

– Не сейчас.

– Мне известно, что хорошо бы почаще ходить в церковь, но я не предполагал появиться здесь при таких обстоятельствах. – Мужчина снял с плеча сумку. – Констебль, которого вы за мной прислали, рассказал кое-какие подробности. Думаю, вам понадобится много эскизов, как и в прошлый раз.

– Не совсем так, – возразил Райан.

– Вы о чем?

К ним подошел еще один человек, в расстегнутом пальто, под которым не было жилета, – невиданная небрежность для Мейфэра. Бледный и худой, он держал под мышкой

тяжелую треногу, а в обеих руках нес объемистые саквояжи с оборудованием, казавшиеся почти неподъемным грузом при его хрупком телосложении.

– Спасибо, что пришли, – сказал ему инспектор.

– Куда вы меня направите?

– Вперед. Мне нужны фотографии под разными углами. И не наступите в кровь.

– Кровь?

– Зрелище не слишком приятное, зато можно не волноваться, что объект пошевелится и смажет изображение, – объяснил Райан.

– Мне уже приходилось фотографировать покойников. Родственники усопших часто меня нанимают.

– Значит, работа отчасти привычная. Если справитесь, обещаю вам регулярный заработок.

– Я не против.

Худой мужчина потащил свое оборудование по центральному проходу.

– Решили разорить меня, наняв проклятого фотографа? – возмутился художник.

– Приходится идти в ногу со временем.

– Тогда зачем вы посылали за мной?

– Чтобы получить портрет человека, которого здесь нет.

– Что?

Райан отвел его в тот угол, где собрались Агнес, староста и младшие служители.

– Этот джентльмен – художник из «Иллюстрейтед Лондон ньюс», – объявил им инспектор. – Пожалуйста, опишите ему того мужчину, который сопровождал леди Косгроув. Он нарисует портрет, а вы поможете сделать изображение в точности похожим на человека, которого вы видели. Когда закончите, – добавил он, обращаясь к художнику, – отправьте портрет в газету. Надеюсь, кто-нибудь опознает его. А потом вернитесь и сделайте несколько эскизов трупа.

– Но ведь у вас будут фотографии...

– ...которые могут оказаться неудачными. – Все еще не оправившись от потрясения, вызванного письмом, что лежало у него в кармане, инспектор добавил: – Я бы предпочел подстраховаться.

– Райан.

Заслышав повелительный голос, инспектор обернулся.

К нему с озабоченным видом стремительно приближался комиссар Мэйн.

Мэйну было пятьдесят восемь лет. Тонкие черты лица казались еще мельче под густыми седеющими баками. Он уже двадцать шесть лет служил комиссаром, и эти годы отложили отпечаток на его внешность. Никто не знал больше его о работе лондонской полиции или любой другой правоохранительной организации в мире.

– Я видел репортеров возле дверей, – заявил Мэйн.

– Констебли не пустят их внутрь, сэр. Я знаю, что у вас срочное совещание с министром внутренних дел. И не осмелился бы вас отрывать, не будь дело столь срочным.

Райан невольно задумался, есть ли сейчас у страны министр внутренних дел. Сохранил ли лорд Палмерстон за собой этот пост после недавней отставки кабинета? Политический хаос спутал все карты.

– Убийство такого значительного лица, как леди Косгроув, да еще совершенное в церкви Святого Иакова! – В голосе Мэйна слышалось возмущение. – Я сразу же приехал.

– Боюсь, дело обстоит еще хуже, чем вы думаете, сэр.

– Не представляю, как подобное возможно.

– Леди Косгроув держала в руке вот это. – Райан вытащил из кармана конверт и письмо с траурной каймой.

Мэйн взял залитый кровью листок и прочел два страшных слова. Черты лица комиссара еще больше заострились.

– Помогите нам Господь. Кто еще знает?

– Только вы и я, сэр.

За пятнадцать лет знакомства с Мэйном инспектор нечасто видел его таким потрясенным.

– У нас нет сейчас ни правительства, ни премьер-министра, – напомнил Райан. – Поскольку дело касается безопасности ее величества, возможно, следует доложить непосредственно королеве.

В сопровождении констебля Беккер быстро шел по Пикадилли, стараясь не привлекать внимания, но невольно ловя на себе неприязненные взгляды. Двадцать шесть лет назад публика с такой же настороженностью отнеслась к тому, что на каждом углу появился полицейский в высоком шлеме. Однако в 1842 году произошло еще более тревожное изменение: образовалась детективная служба, сотрудники которой ходили в штатском. Новую идею служителя порядка без мундира приняли с изрядным недоверием. Привилегированные слои общества не возражали, чтобы переодетые полицейские незаметно проникали в таверны, игорные дома и прочие пользующиеся дурной славой места, где преступники замышляют свои злодеяния. Но какой смысл шпионить за всеми остальными? Как добропорядочному горожанину убедиться, что человек, с которым он так беспечно беседует, не является детективом, сующим нос в его личные дела?

В Мейфэре скромная одежда, позволявшая сохранять неприметность на городских улицах, теряла свои преимущества. Трудно сказать, на кого больше обращали внимание – на одетого в мешковатый костюм Беккера или на идущего рядом с ним констебля. Сержант чувствовал, что за ним тайком наблюдают из окон. Группа получивших выходной слуг настороженно проводила его взглядами, вероятно приняв за преступника, которого только что арестовали. Шрам на подбородке Беккера определенно указывал на темное прошлое. Но если так, почему констебль ведет задержанного в самое сердце Мейфэра, вместо того чтобы направиться к ближайшему полицейскому участку?

Следуя полученным в церкви указаниям, Беккер повернул направо на Хаф-Мун-стрит, затем налево на Керзон-стрит и направился к ровному ряду домов, тянущемуся вдоль Честерфилд-хилл.

«Отправляйтесь в особняк леди Косгроув, – приказал ему Райан, – и сообщите о том, что здесь произошло. Даст бог, придете туда раньше репортеров. Соберите как можно больше информации».

Белокаменные четырехэтажные особняки разительно отличались от убогих тесных лачуг, которые Беккеру приходилось видеть в Ист-Энде. Здания здесь были так похожи одно на другое, что, не будь на дверях медных табличек с номерами домов, сержант ни за что не различил бы их.

Стало заметно холоднее. Поднялся ветер, облака заслонили солнце. Беккер нашел нужный дом, остановился возле чугунных ворот и осмотрел крыльцо. Занавески на окнах были задернуты, как принято во всех уважаемых районах, так что не удавалось определить, есть ли кто-нибудь дома.

– Констебль, проследите, чтобы эти два человека не подходили близко, – распорядился Беккер, указав на репортеров, увязавшихся за ними. – Не впускайте никого в ворота без моего разрешения.

Получив повышение совсем недавно, сержант все еще ощущал неловкость, отдавая приказы. Он открыл ворота и подошел к крыльцу.

«Как сообщить страшную новость о леди Косгроув?» – подумалось ему. Он вспомнил, как прибежал домой и дрожащим от испуга голосом прокричал, что отец упал с лестницы в сарае и шея у него повернута под ужасным углом. Опустошенный взгляд матери до сих пор преследовал Беккера в ночных кошмарах.

Глубоко вздохнув, он поднялся на крыльцо. Пять ступенек превратились в невообразимо долгий путь. Сержант взялся за молоток в форме львиной головы и решительно постучал в дверь.

Прошло десять секунд. Никто не ответил. Чувствуя себя незванным гостем, Беккер постучал снова. И опять безрезультатно.

Он посмотрел вниз и заметил под дверью тускло-коричневое пятно вытекшей жидкости, которая уже подсохла. После событий сегодняшнего утра трудно было не узнать в ней запекшуюся кровь.

Помня о наблюдающих за ним репортерах, сержант постарался ничем не выдать тревогу. Он подергал ручку двери и с замиранием сердца почувствовал, как та поддается.

Беккер приоткрыл дверь и крикнул:

– Эй!

Возможно, никто из домочадцев не обратил внимания на стук, но голос они точно должны слышать.

– Здесь кто-нибудь есть? Я детектив полиции сержант Беккер. Мне нужно поговорить с вами.

В ответ прозвучало только эхо.

Он решил заглянуть в дом, но дверь, приоткрывшись на несколько дюймов, застыла. Что-то ей мешало изнутри.

– Эй! – снова позвал Беккер и оглянулся через плечо.

Газетчики подошли ближе к воротам.

– Констебль, не пускайте их!

Беккер навалился всей своей массой, и предмет, мешавший двери открыться, чуть сдвинулся. Теперь сержант мог пробраться внутрь.

Он учуял смерть еще до того, как глаза привыкли к темноте.

Препятствие за дверью оказалось трупом дворецкого с проломленной головой. Оттуда и натекла кровь, превратившаяся в засохшее пятно под дверью.

Беккер опять потянулся к поясу, где привык носить дубинку, когда был простым констеблем. Разумеется, ее там не обнаружилось. Зато Райан приучил его всегда носить с собой нож в закрепленных под штаниной ножнах. «Сначала бейте рукояткой, а потом уже пускайте в ход лезвие, – наставлял его инспектор. – Иначе неприятностей не миновать».

Холодок пробежал по спине Беккера. Он вытащил нож и осмотрелся, готовый отразить возможное нападение. Темный коридор заканчивался холлом с двумя дверьми по противоположным стенам – обе были закрыты – и лестницей с узорчатыми перилами, которая вела на второй этаж.

До сих пор знакомство сержанта с домами богачей ограничивалось особняком лорда Палмерстона. Даже побывав там много раз, Беккер все еще не мог привыкнуть к разительному контрасту с той жалкой лачугой, где жил сам, когда работал по шестьдесят часов в неделю на кирпичном заводе. У него в голове не укладывалось, что лорд Палмерстон называет домом такой шикарный особняк. Возможно, его светлость настолько привык к роскоши, что действительно считает свое жилище обычным домом. Тогда как же в его понимании должен выглядеть дворец?

В обычных обстоятельствах Беккер непременно залюбовался бы черно-белыми квадратами мраморного пола и прихотливым литьем бронзовой балюстрады – последнее слово сержант узнал совсем недавно. Но сейчас обстоятельства были далеки от обычных.

Беккер обратил внимание на груды тряпья возле лестницы. Он осторожно сделал три шага вперед и только тогда понял, что перед ним труп служанки с точно так же проломленной головой, лежащий в луже засохшей крови.

У сержанта сжалось сердце. Он бесшумно отступил назад, спрятал обратно нож, чтобы не переполошить тех, кто ждал его возвращения снаружи, и проскользнул в приоткрытую дверь. Гуляющий по улице холодный ветер показался ему пустяком в сравнении с ледящей атмосферой, царившей в доме. Облака в небе потемнели.

– Что вы там нашли? – крикнул один из газетчиков, все еще пытающихся уговорить полицейского пустить их внутрь.

– Констебль, доставьте трещотку! – приказал Беккер. Репортеры попятились, приняв его слова за угрозу.

Полицейский схватил трещотку и принялся ее раскручивать. Резкий звук заполнил всю улицу.

Из окон соседних домов начали выглядывать встревоженные лица. Из дверей выскочили слуги. Только что казавшийся безлюдным квартал ожил.

По мостовой к ним спешил еще один констебль. Маршруты патрулирования были составлены так, чтобы полицейские всегда могли услышать один другого. С противоположной стороны улицы появился второй патрульный. Сообразив, в чем дело, он тоже побежал на помощь.

– Я детектив Беккер, – сказал сержант первому. – Оставайтесь здесь и помогите сохранять порядок. А вы отправляйтесь в церковь Святого Иакова, – велел он второму, – и передайте инспектору Райану, что леди Косгроув не единственная.

– Не единственная?

– Инспектор поймет. Попросите его приехать как можно скорее. И приведите сюда других констеблей. Чем больше, тем лучше.

Не успел полицейский скрыться из виду, как подошли еще двое.

– Никак случилось чего? – крикнула из толпы женщина в переднике.

– Мой хозяин желает знать, почему поднялся такой шум, – важно заявил лакей в ливрее.

– Скажите ему, что все в порядке, – ответил Беккер. – А вы расходитесь по домам. Не на что здесь глазеть.

– Нам в Мейфэре бобби не указ! – возмутилась та же женщина.

Беккера так и подмывало спросить, не хочет ли она продолжить беседу в полицейском участке. Но как на его месте поступил бы Райан?

– Подойдите сюда, – позвал он.

Женщина внезапно утратила всю свою бойкость.

– Вы мне?

– Да, вам, я же на вас указываю. Подойдите.

Служанка нерешительно приблизилась.

– Хотите помочь? Будет о чем рассказать на кухне.

Перспектива принести свежие сплетни в хозяйский дом вызвала к жизни услужливую улыбку.

– В этом доме есть черный ход? – спросил у служанки сержант.

– А то как же! С заднего двора. Нас только туда и пускают, когда нужно принести уголь или, скажем, бакалею.

– Прекрасно. Тогда покажите этому симпатичному констеблю, как туда попасть.

– Как по мне, вовсе он и не симпатичный.

– Не нужно его задирать. Просто покажите ему черный ход. Констебль, никого не пропускайте внутрь и будьте осторожны, потому что злоумышленник в любой момент может выбежать из дома.

– Я все понял, сержант.

Не привыкшему еще к новому званию Беккеру показалось на миг, будто полицейский обращается к кому-то другому.

Как только служанка увела констебля, прибежали трое патрульных с одного конца Честерфилд-хилл и еще двое – с другого.

Беккер показал им значок, подошел ближе и произнес негромко, чтобы не услышали репортеры:

– В этом доме по крайней мере два трупа. Я еще не все осмотрел.

Патрульные застыли в изумлении: преступления в богатом районе случались нечасто.

– Сначала в церкви Святого Иакова, теперь здесь, – пробормотал один из констеблей.

Похоже, весть о первом убийстве разлетелась на удивление быстро.

– Вероятно, все произошло несколько часов назад. Вы оба останетесь здесь охранять ворота. Остальные пусть опросят свидетелей. Узнайте, не видел или не слышал ли кто чего-нибудь необычного.

Заметив, что полицейские разошлись, один из газетчиков крикнул:

– Эй, расскажите и нам тоже!

– Никого не подпускайте, за исключением инспектора Райана, – приказал Беккер патрульным, занявшим пост у ворот. Затем повернулся к тому констеблю, вместе с которым пришел из церкви Святого Иакова. – Идите за мной.

Они поднялись по ступенькам и протиснулись в приоткрытую дверь.

– Это первый, – сказал Беккер.

Запах смерти, казалось, усилился. Даже в полумраке сержант разглядел, как сузились зрачки констебля, когда тот увидел проломленную голову дворецкого.

– Обойдите его и ничего не трогайте, – распорядился Беккер. – Если тот, кто это сделал, еще прячется в доме, мне понадобится ваша помощь.

Констебль снял с пояса дубинку, но, зайдя в вестибюль, застыл с раскрытым ртом при виде статуй на мраморных пьедесталах, позолоченной лепнины и живописных панно на стенах.

– Чтоб мне провалиться! – изумленно пробормотал он. – Неужели здесь живут люди?

– И здесь же их убивают, – напомнил Беккер. – Именно поэтому мы сюда и пришли.

Сержант остановился над трупом служанки, лежавшим возле лестницы. Снова подумав, как на его месте поступил бы Райан, он опустился на колени и рассмотрел круглую рану на голове покойницы. Судя по всему, ее нанесли тем же предметом, которым убили дворецкого.

Сержант приоткрыл ближнюю дверь – ту, что была справа. Задернутые портьеры мешали как следует рассмотреть интерьер парадной гостиной. Стол был накрыт скатертью с нарядными кисточками. На креслах и диване лежали вышитые подушки. Пол устилал мягкий восточный ковер. Беккер никогда еще не бывал в комнате, погруженной в такую тишину.

Он раздвинул портьеры и осмотрелся, но не заметил ничего подозрительного. Затем прошел через вестибюль к другой двери у противоположной стены. И снова столкнулся с запахом смерти.

– Констебль, будьте готовы прийти на помощь.

Беккер толкнул дверь, за ней оказалась библиотека. Окна здесь тоже были зашторены. Сержант присмотрелся и увидел мужчину, сидящего в красном кожаном кресле. Он словно бы читал книгу.

– Лорд Косгроув? – позвал Беккер, уже понимая, что это бесполезно.

Приторный запах ясно давал понять, что хозяин дома никогда и никому уже не сможет ответить.

Приготовившись к возможной атаке, Беккер скользнул к окну и раздвинул занавески. Лучи света упали на тело в кресле. Морщинистое лицо искажала мучительная гримаса агонии.

– Где сержант Беккер? – раздался в тишине голос, и Беккер вздрогнул от неожиданности.

Голос звучал из вестибюля и принадлежал инспектору Райану.

– Он зашел туда, инспектор, – ответил констебль.

Райан появился в дверях библиотеки:

– «Леди Косгроув не единственная»? Ваше сообщение определенно меня поразило.

– Как говорит в таких случаях Де Квинси? Несколько обитателей этого дома присоединись к большинству человечества, – вспомнил Беккер замечание Де Квинси о том, что за долгие века умерло намного больше людей, чем живет в настоящее время.

Райан подошел к креслу и осмотрел труп.

– Вы встречались с лордом Косгроувом? – спросил сержант.

– Однажды комиссар Мэйн послал меня на заседание Комитета по надзору за тюрьмами. Лорд Косгроув как глава комитета задал мне несколько вопросов.

– Значит, это и есть лорд Косгроув?

– Сомневаюсь, что даже собственная жена, будь она жива, узнала бы его сейчас, – ответил Райан.

Покойника привязали к креслу и стянули шею веревкой, закрепив ее на верхней ступеньке передвижной лестницы, с помощью которой доставали тома с верхних полок.

В руках мертвец держал раскрытую книгу; голова его чуть склонялась вперед, как бывает при чтении.

– Посмотрите на его глаза, – потрясенно произнес Беккер. – Вы когда-нибудь видели такое?

– Нет, – признал Райан.

Острые серебряные писчие перья торчали из обоих глазных яблок. По щекам спускались засохшие темные дорожки, создавая впечатление, будто покойник плачет кровавыми слезами. Беккер с трудом подавил дрожь, представив, какие муки должен испытывать человек, которому воткнули в глаза металлические шипы.

– Трудно определить, от чего наступила смерть, – рассуждал вслух сержант, – от потери крови или удушения.

– Перья в глазах – это только пытка, а смерть принесла удавка, – ответил Райан.

– Откуда вы знаете?

– Какого цвета у него губы и язык?

Беккер догадался, что инспектор проверяет его. Он подошел ближе и, преодолевая отвращение, присмотрелся к сведенному судорогой рту и вывалившемуся наружу языку.

– Они синие.

– Вы когда-нибудь видели повешенного? – задал новый вопрос Райан.

– Только один раз и издали. Но мне и этого хватило.

– Посиневшие губы указывают на недостаток воздуха. Потеря крови лишь ослабила жертву, голова склонилась к книге. Убийца устроил все так, будто покойник повесился сам. Какую книгу он якобы читает?

Сознавая, что ему еще многому предстоит научиться, Беккер собрался с мужеством, взял из рук мертвеца том и взглянул на корешок:

– Вроде бы свод законов.

Беккер заметил между страниц книги листок бумаги и вытащил его. На нем была такая же траурная кайма, как и на письме, которое в момент смерти держала в руке леди Косгроув.

- Что там написано? – осведомился Райан.
- Это имя, но оно мне незнакомо. Эдвард Оксфорд.
- Эдвард Оксфорд? Вы не ошиблись?
- Вам оно что-то говорит?
- Господи помилуй, еще бы.

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

Пока в церкви Святого Иакова продолжался опрос свидетелей, отец сидел на алтарной ограде. Короткие ноги не доставали до пола и без остановки покачивались вверх-вниз, будто шагая по воздуху. Он то рассматривал лужу крови на каменном полу, то переключал внимание на моленную леди Косгроув, где фотограф установил свою громоздкую камеру. Лицо отца приобрело болезненно бледный оттенок. Увидев, как из-под полы пальто появилась бутылочка с лауданумом, я поспешила вмешаться: прихожане могли безо всякой снисходительности отнестись к болезни старого человека.

Между тем полковник Траск все еще помогал полиции поддерживать порядок, а привлекательная молодая женщина, которую он сопровождал в церковь, следила за ним с нескрываемым восхищением. Я не могла не заметить, что полковник изредка поглядывает на меня с тем же недоумением, что и в первый раз, когда он будто бы узнал меня, но не сумел вспомнить, при каких обстоятельствах мы встречались. Его неуверенность смущала меня. Я ждала удобного момента, чтобы подойти и дать полковнику возможность объясниться, если на то будет его воля.

Но исполнить задуманное не удалось, поскольку Шон (я имею в виду инспектора Райана) быстро вывел нас с отцом из-под церковных сводов и направил напрямик сквозь растущую толпу.

– Прибыл экипаж лорда Палмерстона. Его кучер получил четкие указания отвезти вас на вокзал Юстон.

– Я должен остаться, – возразил отец.

– Вы очень помогли нам семь недель назад, – кивнул Шон. – Но лорд Палмерстон ясно дал понять, что будет весьма недоволен, если вы пропустите поезд. Он имеет куда большее влияние, чем комиссар Мэйн, так что выбора у меня нет. Вы ответили на все вопросы, а если появятся новые, я телеграфирую вам в Эдинбург. К счастью, мы с сержантом Беккером видели то же самое, что и вы.

– Вы в самом деле видели то же, что и я? – переспросил отец.

– Я обещаю не забывать вашу теорию о множестве реальностей.

Пожимая нам руки, Шон задержал мою ладонь чуть дольше, чем того требует простое дружеское расположение. Несмотря на холодную погоду, я почувствовала, как щеки у меня вспыхнули.

– Эмили, я буду скучать по нашим беседам, – сказал инспектор.

Обычно мне легко находить нужные слова, но должна признаться, что от огорчения у меня перехватило дыхание и я почти лишилась дара речи.

– Я тоже буду скучать по нашим беседам, – только и удалось мне вымолвить в ответ.

Вспомнив о приличиях, Шон повернулся к отцу:

– И конечно же, я буду скучать по необыкновенным разговорам с вами, сэр.

– Ко мне уже давно не обращались «сэр», – признался отец. – Всего несколько недель назад вы сами, помнится, называли меня совсем иначе.

Шон смущенно потупился:

– Мы все прошли долгий путь. Жаль, что дальше наши дороги расходятся. – Он поглядел в мою сторону. – Спасибо, что помогли мне залечить раны, Эмили. Удачного путешествия.

Пока он держал меня за руку, лицо у меня продолжало пылать.

– Берегите себя, – прошептала я, склонившись ближе, чтобы посторонние не расслышали прощальных слов. – Я напишу, когда мы приедем в Эдинбург.

Подбегавший констебль прервал наши объяснения, и многое так и осталось невысказанным.

– Сержант Беккер ждет вас в доме леди Косгроув, инспектор. Он велел передать, что она не единственная.

– Не единственная?

– Именно так. Он сказал, вы поймете... и что дело срочное.

Во взгляде Шона действительно промелькнула догадка.

– Боюсь, я вынужден вас покинуть, – произнес он.

– Да, конечно, возвращайтесь к работе.

По правде говоря, мне хотелось, чтобы Шон остался, но, когда я снова потянулась к его руке, он уже спешил прочь.

Внезапно к нам через толпу зевак и газетных репортеров бросился лакей его светлости:

– Скорее! Нам давно пора ехать на вокзал! – Он словно потерял рассудок. – Распоряжения лорда Палмерстона необходимо исполнять. Ему не понравится, если вы опоздаете на поезд.

Пока нас подгоняли к экипажу, я успела услышать, как один газетчик сказал другому:

– Вон идет Любитель Опиума. Слышал, что он говорил о туманности Ориона?

– Это новый публичный дом на Стрэнде?

– Нет, речь про ночное небо. Он сказал, что туманность похожа на череп с дыркой, сквозь которую вытекает небесное вещество. Вот что опий с людьми делает.

При виде наших скудных пожитков, привязанных на крыше кареты, неизбежность злосчастного отъезда легла мне на сердце тяжким грузом. Едва слуга успел запереть дверцу и вскарабкаться на запяжки, экипаж сорвался с места и помчал вперед, поскольку кучер спешил выполнить приказ лорда Палмерстона.

Отец сидел напротив меня, не в силах унять дрожь.

– Теперь уже можно, – сказала я.

Он мгновенно извлек бутылочку с лауданумом, глотнул рубиновой жидкости, смежил веки, замер, снова открыл глаза и сделал еще один

глоток. Взгляд его затуманился. Пот на лице, казалось, впитался обратно в кожу. Постепенно отец перестал бесконечно перебирать ногами в воздухе.

Если бы мы собирались поехать прямо в Эдинбург, у нас ничего бы не вышло: в такую даль поезда отправлялись лишь рано утром, чтобы доставить пассажиров ночью того же дня. Но последние недели в Лондоне ввергли отца в более глубокую, чем обычно, меланхолию. Я связываю его настроения со все возрастающей зависимостью от опиума и страхом погибнуть, если не хватит сил освободиться от этого рабства.

Та же тоска погнала отца в Манчестер, где остались отчий дом и могилы сестер. Болтливый репортер не мог знать, что изначальная причина одержимости отца черепами и вытекающей из них субстанцией кроется в давнем посмертном вскрытии, которому подвергли одну из его сестер, чтобы узнать, не стала ли необычно большая голова следствием фатальной деформации мозга. Отца преследовали кошмары, в которых он видел дыру, пробитую врачом в голове девочки.

Когда один из моих братьев, Уильям, сначала ослеп и оглох от мучительных головных болей, а вскорости умер, у него в мозгу обнаружили скопление странного зеленоватого вещества. Вскрытому черепу Уильяма тоже нашлось место в страшных видениях отца.

Экипаж свернул на север и помчался от Пикадилли к Риджент-стрит. Отец высунулся из окна и окликнул лакея на запятках:

– Какой дорогой мы едем к Юстону?

– От Риджент-стрит к Портленд-плейс. Оттуда прямо по Нью-роуд.

– Поверните, пожалуйста, на Оксфорд-стрит.

– Мы знаем дорогу.

– Мой маршрут короче. И мне нужно кое на что взглянуть.

Шум колес не скрыл от нас недовольного бормотания слуги, затем он крикнул кучеру:

– Сверни на Оксфорд-стрит!

– С чего это?

– Пассажир требует.

– Вот еще! Больше делать нечего, как ему угодить! – ответил тот, быть может не подозревая, что мы все слышим.

Тем не менее карета повернула направо, и, едва колеса застучали по Оксфорд-стрит, отец крикнул лакею:

– Остановитесь!

– Но нам пора на вокзал!

– Стойте! – повторил отец неожиданно громким для такого маленького человека голосом, удивив даже меня.

Сквозь цокот копыт донеслись проклятия кучера, но он все же остановил лошадей, насколько я могла определить, в конце Грейт-Тичфилд-стрит.

Отец открыл дверцу и шагнул наружу.

Я привычно последовала за ним.

– Нет, не выходите! – воскликнул лакей. – Вы же собирались только взглянуть! Нам нужно спешить!

В воскресенье после полудня магазины на Оксфорд-стрит не работали. Улица была пустынна, лишь несколько двуколок и экипажей с

грохотом прокатились мимо и скрылись. Низкие тучи заслонили небо. Дым из каминных труб окутывал крыши домов.

Отец печально оглядел окрестности. В ранней юности он провел четыре голодных месяца на этой улице среди проституток и нищих, пытаясь пережить суровую лондонскую зиму. Одна из девушек, Энн, – ее давным-давно поглотил безжалостный город – была возлюбленной отца, еще до того как он встретил мою мать.

– Даже тогда, находясь на пороге смерти, я чувствовал себя более живым, – пробормотал он.

– Отец, пожалуйста, не говори о смерти.

– Поспешите! – крикнул лакей. – Лорд Палмерстон не простит нам, если вы опоздаете на поезд!

– Скажите его светлости, что это я во всем виноват, – ответил отец. – Передайте, что я отказался сесть в карету.

– Что вы такое говорите? – вскинулся слуга.

– Приношу свои глубочайшие извинения. Будьте любезны вернуть наши сумки в дом лорда Палмерстона. Я позже с ними разберусь.

– Нет! – запротестовал кучер.

Но отец уже удалялся по Оксфорд-стрит, направляясь в противоположную от вокзала сторону.

– Отец, не слишком ли много лауданума ты выпил? – встревожилась я, торопясь за ним. – Объясни мне, что у тебя на уме.

Мы миновали Риджент-стрит, следуя на запад. Немногие смогли бы угнаться за решительной, несмотря на короткие ноги, походкой отца, и только свободная юбка позволяла мне не отставать.

– Смерть, – произнес он.

– Ты пугаешь меня, отец.

– Чуть более семи недель назад я очнулся от своих опиумных кошмаров в полдень. Не отправься мы в Лондон, я бы, наверное, начал просыпаться на закате вместо полудня. Или, возможно, однажды избыток опиума вовсе не дал бы мне проснуться. И тогда я тоже присоединился бы к большинству. Смог бы наконец забыть ту боль, что причинил тебе, твоим братьям и сестрам. И прежде всего твоей матери... Смог забыть кредиторов, от которых нам всем вечно приходилось скрываться... забыть бедность, на которую я обрек тебя.

– Отец, ты и вправду меня пугаешь.

– Эдвард Оксфорд? – Беккер недоуменно уставился на листок, который нашел в книге покойника. – Почему вы сказали: «Господи помилуй»?

– Сколько вам было пятнадцать лет назад? – спросил Райан.

– Всего десять.

– Вы рассказывали, что выросли на ферме в отдаленной части Линкольншира. Ваш отец читал газеты?

– Он совсем не умел читать и стыдился этого, – ответил Беккер. – Когда я не был занят работой по дому, он заставлял меня ходить в школу.

– Тогда вы действительно могли ничего не слышать.

– О чем? Это как-то связано с тем письмом, что вы нашли в церкви и не хотите обсуждать со мной?

– У нас мало времени, – отрезал инспектор. – Нужно осмотреть оставшуюся часть дома.

– Не уходите от ответа. Что означает имя Эдвард Оксфорд? – продолжал настаивать Беккер. – И о чем говорилось в письме из церкви?

– Я не могу сказать.

– Вам настолько тяжело говорить?

– Нет, просто не дозволено. Только комиссар Мэйн имеет право знать.

– У вас такой мрачный вид. Случилось нечто ужасное?

– Оно случилось пятнадцать лет назад. Прошу вас, прекратите задавать вопросы, на которые я не могу ответить. Нам нужно осмотреть дом. Где остальные слуги?

Запах гнилой пищи – или кое-чего похуже – привел их к лестнице, спускающейся на кухню.

Внезапно Беккер остановился.

– В чем дело? – поинтересовался Райан.

– Когда я смогу стать таким, как вы?

– Как я?

– Вас ничто не трогает, – объяснил Беккер.

– Очень даже трогает, – возразил инспектор.

– Но по вам не скажешь.

– Потому что я умею переключать внимание. Сосредотачиваться на деталях. Меня научил этому комиссар Мэйн. Нужно думать о сборе улик, чтобы не оставить убийце шансов на очередные злодеяния.

Беккер кивнул и заставил себя спуститься.

Сержанту удалось сдержать эмоции, когда он увидел на кухонном полу трупы повара и девушки-посудомойки. Как и слуг наверху, их убили ударом по голове. На передниках засохла кровь.

Следуя наставлениям инспектора, Беккер направил все внимание на детали. Пепел в печи совсем холодный. В мисках застыл суп. Тесто в формах для выпечки осело, как и меренги для десерта.

Райан и Беккер поднялись по темной лестнице этажом выше, где почти все пространство занимал огромный обеденный зал, в котором могло разместиться больше сорока человек.

– Когда я нес патрульную службу в Ист-Энде, я и представить себе не мог, что кто-то живет в такой роскоши, – признался Беккер.

На третьем этаже обнаружили три открытые двери и одна запертая. Запах смерти просачивался именно из-под нее.

Райан толкнул дверь с такой силой, что та затрещала.

– Вам помочь, инспектор? – окликнул его снизу констебль.

– Когда будет нужно, я позову, – ответил Райан.

Держа наготове ножи, они с Беккером проникли в темную комнату, пробрались к окну и отдернули занавески. Сержант отпрянул назад, увидев, что находится у него под ногами, а также на кровати и практически повсюду.

Стены, туалетный столик, занавески, ковер – буквально все было покрыто засохшей кровью.

– Муки адавы, что же здесь произошло?

Мститель навсегда запомнил последние счастливые мгновения своей жизни. Вместе с сестрами Эммой и Рут он варил картофель в котелке, подвешенном над очагом. Больше его семья ничего не сумела раздобыть к ужину. Дрова для очага тоже было бы непросто достать, если бы отец, работавший плотником, не подбирал бесполезные обрезки досок и не приносил домой. Они были бедны, но любили друг друга. И часто смеялись.

Но только не в тот вечер. Отец вернулся домой перед самым закатом, снял пояс с инструментом и в недоумении огляделся.

– А где мать, Колин? – спросил он, стряхивая опилки с холщового плотницкого фартука.

– Мама еще не вернулась, – опередила Колина Эмма.

Ей уже исполнилось тринадцать. У нее были голубые глаза, и позже Колин каждый день вспоминал, как от одного ее взгляда в комнате становилось светлее.

– Но ведь ее нет уже целый день. – Отец потер загорелую шею мозолистой рукой и прошел через кухню к входной двери их крошечного дома.

Колин, Эмма и Рут направились следом. Рут была еще маленькой. Но даже дырка на месте выпавшего переднего зуба лишь придавала очарования ее улыбке. Дети видели, как отец вышел на пыльную улицу и встревоженно посмотрел в ту сторону, куда утром направилась мать. Поселок появился здесь совсем недавно. Многие дома до сих пор строились, штабели досок и кирпичей высились рядом с каркасами будущего жилья. Застройщик купил этот участок в четырех милях от Сент-Джонс-Вуда, на северо-западной окраине Лондона, в надежде на то, что город будет быстро расширяться.

– Может, она зашла к соседям, – предположил отец и направился к ближайшему дому.

Держа за руки Рут, Колин с Эммой наблюдали, как отец постучал в соседскую дверь и с кем-то переговорил. Багровое солнце уже коснулось горизонта, а отец все бродил от одного дома к другому и расспрашивал соседей. Семья обосновалась в поселке всего десять дней назад и еще ни с кем как следует не познакомилась, но вокруг жили такие же рабочие, как сам отец, и никто не относился к ним враждебно, хоть они и были ирландцами.

Хмурясь еще сильнее, отец наконец вернулся, обнял детей и сказал:

– Давайте накрывать на стол. Она может вернуться в любую минуту.

Но Колин не мог не заметить, как дрожат руки отца, когда тот снимал с огня котелок с картошкой и делил незатейливый ужин между детьми.

– Колин, присмотри за сестренками, – велел глава семьи, надевая пальто и уходя в вечерний холод. – Я скоро вернусь.

На самом деле вернулся он уже затемно. Однако матери с ним не было, и сам отец выглядел очень испуганным, когда укладывал детей в кровати, которые сделал собственными руками.

– Как ты думаешь, что с ней могло случиться? – спросила Эмма.

– Не знаю, – ответил отец. – Стало совсем темно, и я уже ничего не видел. Утром я снова пойду ее искать.

– Давайте помолимся за маму, – предложила маленькая Рут.

Мать отправилась в Сент-Джонс-Вуд, прихватив с собой корзину с вязаными вещами. Она творила настоящие чудеса своими спицами, все восхищались созданными ею причудливыми узорами. Если бы не редкое умение матери, у Колина и его сестер не было бы зимой ни теплых перчаток, ни шапок, ни шарфов. В Сент-Джонс-Вуде она собиралась продать три только что связанные кофты. Кто-то сказал ей, что хозяин одной лавки с радостью приобретет их, а на вырученные деньги можно будет купить мяса на несколько дней вперед.

Но дорога в Сент-Джонс-Вуд занимала не больше часа.

Утром, убедившись, что Колину и его сестрам хватит хлеба и сыра на завтрак, отец открыл дверь, чтобы снова отправиться на поиски. Но в изумлении остановился на пороге.

Колин подошел к нему и увидел, как к дому приближается констебль.

– Ваше имя Росс О’Брайен? – спросил полицейский.

– Так меня и зовут.

Услышав ирландский акцент, констебль еще мрачнее посмотрел на отца:

– Кэтлин О’Брайен – ваша жена?

– Моя, чья же еще. – Отец подался вперед. – А почему вы спрашиваете? С ней что-то случилось?

– Можно сказать и так.

– Ничего не понимаю.

– Она арестована.

Глава 4

Хрустальный дворец

Холодный ветер пришелся как нельзя кстати, очистив нос от запаха смерти. Когда Райан и Беккер выбрались наружу, возле дома собралось не меньше сотни зевак, все они старались подобраться ближе, расталкивая соседей и недовольно ворча, когда толкали их самих. В основном это были лакеи в бриджах и длинных, до колен, ливреях, а также девицы в кухонных фартуках. Без дозволения хозяев они не покинули бы рабочие места, так что, скорее всего, явились по приказу господ, желающих узнать причину поднявшегося шума. Движимые любопытством и необходимостью подробно доложить о происшествии, они, похоже, вовсе не замечали, что на улице становится все холоднее.

Райан присмотрелся к толпе и с удивлением увидел знакомые лица.

– Это же Эмили!

– Милостивый боже, и отец с нею, – отозвался Беккер.

Каким-то образом Де Квинси удалось протиснуться сквозь плотные ряды, но напор множества тел прижал его к воротам особняка. Вслед за ним пробралась и Эмили. Она умоляла констебля пропустить их, но полицейский продолжал отгонять ее.

– Расходитесь по домам! – увещевал любопытствующих другой констебль. – Здесь не на что смотреть.

– Тогда зачем бобби ходят вокруг и спрашивают, не видали ли мы чего-нибудь странного? – допытывался один из слуг.

– А вы заметили что-то странное? – оживился полицейский.

Эмили позвала Райана, но гомон толпы заглушил ее голос.

Райан и Беккер поспешили вниз по ступенькам.

– Эти двое с нами, – сказал инспектор констеблям.

Как только ворота чуть приоткрылись, он затащил Эмили внутрь, а та, в свою очередь, потянула за собой отца.

– Дайте людям пройти! – рявкнул констебль толпе.

– Объясните, что здесь происходит! – прокричал какой-то репортер.

– Нужно вас куда-нибудь пристроить, Эмили, – произнес Райан. Он был рад появлению девушки, но всей душой сожалел, что встреча не произошла при других, более благоприятных обстоятельствах. – Там, внутри, случилось нечто ужасное.

– Хуже, чем в церкви? – поинтересовался Де Квинси. Пальто на нем сидело криво: в толчее оторвали пуговицу.

– Зависит от того, с какой стороны посмотреть.

– Даже Иммануил Кант не смог бы сформулировать лучше.

Ветер усиливался. Тучи потемнели и нависали все ниже. Внезапно посыпал снег, заставив часть зевак поднять воротники и разойтись по домам.

– Шон, когда мы зайдем внутрь, предупредите, когда мне следует отвернуться, – попросила Эмили.

– Когда мы зайдем внутрь? Но я ведь только что объяснил... – Райан умолк и обреченно вздохнул. – Да, конечно, когда мы зайдем внутрь.

– Лучше сразу смотрите в потолок, Эмили, – посоветовал Беккер. – Я проведу вас.

Снег повалил еще гуще.

Эмили усадили в плюшевое кресло в гостиной.

– Мы не можем разжечь огонь, чтобы вы согрелись. – Райан показал на остывший камин. – В пепле могут отыскаться улики.

– Понимаю.

– Что же случилось? Я думал, вы давно сели в поезд.

– Отец отказался выполнить распоряжение лорда Палмерстона.

– Отказался? – изумленно переспросил Райан.

– В церкви мы слышали, как священник назвал вам адрес лорда Костроува. Отец настоял, чтобы мы отправились сюда.

– Я без труда отыскал этот дом, – гордо заявил Де Квинси. Он присел над трупом служанки возле лестницы и внимательно рассматривал рану на голове несчастной, почти касаясь пальцами вмятины в черепе. – Пятьдесят три года назад я часто просил подавания в Мейфэре. Я изучил этот район не хуже Оксфорд-стрит и Сохо.

– Лорд Палмерстон... – начал инспектор.

– ...будет в ярости. Меня предупреждали. – Де Квинси отпил из своей бутылочки с лауданумом. – В церкви вы сказали, будто видели то же самое, что и мы с Эмили. Разумеется, наши долгие беседы семинедельной давности убедили вас, что для меня это не довод.

– Полицейское расследование не сводится к бесконечным упоминаниям имени Иммануила Канта, – едва сдерживая раздражение, заявил Райан. – Существует ли реальность вне нас или только в нашем сознании? Могу вас заверить со всей определенностью: труп возле входной двери существует на самом деле. И еще один – возле лестницы, а также два на кухне под нами и, наконец, тот, что привязан к креслу в библиотеке.

– В библиотеке? – Заинтригованный Де Квинси резко выпрямился и направился к раскрытой двери у дальней стены.

– Эй, вам сюда нельзя, – остановил его дежуривший возле двери констебль.

– Все в порядке, – заверил полицейского Беккер. – Я зайду вместе с ним.

Райан повернулся к Эмили:

– Но вы же потеряете покровительство лорда Палмерстона. У вас нет средств. Где вы будете жить? Чем питаться?

– Отец утверждает, что способен выжить на улице, как в те времена, когда ему было семнадцать.

– Но теперь ему шестьдесят девять. А вы? Каково придется вам?

– Отец обещал и меня научить выживанию.

– Боюсь, опиум в конце концов повредил его рассудок.

– Смерть, – неожиданно произнесла Эмили.

– Что?

– Он постоянно говорит о смерти.

– Инспектор, – прервал их разговор голос Де Квинси из-за двери.

Девушка коснулась руки Райана:

– Кажется, я знаю, почему отец приехал сюда. Пока он помогает вам, у него остается цель, дающая силы жить дальше.

Райан зашел в библиотеку. Де Квинси переходил с одного места на другое, изучая причудливое расположение жертвы с разных точек обзора.

– Вижу, вы впечатлены, – заметил инспектор.

– Петля, выколотые глаза и юридический кодекс составляют в совокупности великолепное произведение искусства.

– Вряд ли следовало ожидать иного ответа от автора эссе «Убийство как одно из изящных искусств».

– Положение жертвы подсказывает, что мотивом является месть за допущенную несправедливость.

– На ограбление и впрямь не похоже, – признал Райан. – Серебряные перья в глазницах, из жилетного кармана свисает золотая цепочка от часов. В доме множество ценных предметов, но убийца ничего не тронул.

– Вы что-то говорили про кухню, – припомнил Де Квинси. – Там есть еще жертвы?

– Повар и посудомойка, – ответил Райан. – Вероятно, леди Косгроув отсутствовала, когда произошли все эти убийства.

В разговор вступил Беккер.

– Но почему она не обратилась в полицию, когда вернулась и увидела трупы? – растерянно спросил он. – Почему облачилась в траурное платье и отправилась в церковь? Какая-то бессмыслица.

– По меньшей мере одну из жертв мы пока не нашли, – сообщил Райан. – Спальня наверху вся покрыта засохшей кровью.

Выглянув из-за плеча трупа, Де Квинси изучил листок с траурной каймой, который Беккер вложил обратно в книгу.

– Тут написано имя. Эдвард Оксфорд.

– Оно вам что-то говорит? – спросил Райан.

– Разве могло быть иначе?

– Отец, я ничего не понимаю. Кто такой Эдвард Оксфорд?

Появления Эмили не ожидал никто. Она стояла у двери в библиотеку, отвернувшись от ужасного кресла и подняв глаза к потолку.

– Вам лучше вернуться в гостиную, Эмили, – заявил Беккер.

– Лучше быть здесь, но со всеми, чем в другом месте, но одной.

– Я бы тоже не хотел остаться один в таком доме, – согласился Райан.

– Отец, ты с таким удивлением произнес это имя – Эдвард Оксфорд, и я чувствую себя глупой, поскольку мне оно незнакомо.

– В то время тебе было всего шесть лет, – объяснил Де Квинси. – Если не ошибаюсь, инспектор, Эдвард Оксфорд все еще в Бедламе?

То была единственная в Англии лечебница для душевнобольных преступников – Бетлемская королевская больница, больше известная как Бедлам.

– Да, – ответил Райан. – Если бы его выпустили, меня наверняка известили бы.

– Но кто такой Эдвард Оксфорд? – продолжала допытываться Эмили. – Какое злодеяние он совершил? По вашему тону, Шон, можно предположить, что речь о действительно ужасном преступлении. Оно связано с письмом, которое леди Косгроув получила в церкви? Вы не сказали нам, что в нем было.

– Боюсь, вам придется спросить у комиссара Мэйна.

– А может быть, и не придется, – заявил Де Квинси.

– Что вы хотите сказать? – с подозрением спросил Райан.

– Прежде чем вы сунули найденное в церкви письмо в карман, я успел заметить, что текст состоит всего из двух слов. Если там значилось «Эдвард Оксфорд», как и здесь, необходимость скрывать тайну от нас отпала бы сама собой. Значит, слова были другие. В нашей ситуации можно предположить лишь одно... Инспектор, будьте добры, расскажите Эмили об Эдварде Оксфорде.

Среда, 10 июня 1840 года

Королева Виктория настаивала, чтобы газеты публиковали ее распорядок дня. Ступив на престол всего тремя годами ранее, молодая правительница стремилась показать, насколько она отличается от прежних монархов, почти никогда не показывавшихся на глаза простым людям. Исполненная решимости установить прочную связь со своими подданными, Виктория взяла за правило совершать регулярные поездки по улицам Лондона и

желала, чтобы горожане точно знали, когда и где у них будет возможность увидеть и поприветствовать свою королеву.

Чаще всего такие прогулки начинались в шесть часов вечера, когда Виктория вместе с принцем Альбертом, за которого она вышла замуж несколько месяцев назад, выезжала из Букингемского дворца в открытой коляске. Обычно они следовали мимо Грин-парка по Конституишн-хилл, делали разворот возле Гайд-парка и возвращались обратно. Коляску сопровождали двое всадников.

У королевы были весомые причины добиваться расположения своих подданных. Ее муж был иностранцем, родившимся в маленьком германском герцогстве. Он знал английский язык, но предпочитал говорить по-немецки, как и мать королевы, происходившая из тех же земель. Газеты предсказывали, что скоро вся Англия вынуждена будет изучать немецкий язык, а государственная казна опустеет, оплачивая германские долги. Люди опасались, что со временем Англия превратится в еще одно подневольное государство Германского Союза.

Вместо тысяч горожан, приветствовавших королеву Викторию на улицах до ее замужества, теперь их с принцем Альбертом встречали лишь сотни. Поговаривали, что кое-кто из собравшихся свистел ей вслед. А если коляска была пустой, в нее иногда даже бросали камни.

В тот благоуханный летний вечер один человек продемонстрировал свое неодобрение еще более откровенным образом. Когда экипаж проезжал мимо Грин-парка, мужчина вышел вперед.

Поднял пистолет.

И выстрелил с расстояния в пятнадцать футов.

– Я был тогда простым констеблем, – начал Райан. – Меня назначили патрулировать окрестности королевского дворца.

За окном библиотеки продолжал валить снег. Шумящей толпы больше не было слышно; вероятно, непогода заставила всех разойтись по домам.

– Мой маршрут включал правительственные здания, Грин-парк и Сент-Джеймс-парк. И я всегда был на посту, когда ее величество выезжала на свою обычную прогулку. Хотя в последнее время народу собиралось поменьше, чем прежде, скопление людей все равно притягивало к себе карманников. Редкий вечер обходился без поимки воришки, запустившего руку в чей-то карман. При звуке выстрела толпа замерла. – Райан посмотрел на Эмили, которая так и стояла, уставившись в потолок, чтобы не видеть внушающий ужас труп в кресле. – Давайте продолжим этот рассказ в гостиной, – предложил он.

Инспектор провел Эмили в соседнюю комнату, Де Квинси и Беккер двинулись следом.

Девушка опустилась на диван, инспектор сел напротив нее, радуясь возможности чуть ослабить напряжение и унять боль в недолеченной ране.

– Раздался резкий хлопок, и растерявшийся кучер остановил коляску, – продолжил он. – Сначала никто не сообразил, что это в самом деле выстрел. Я попытался определить, откуда донесся звук, и увидел облачко дыма рядом с коляской. Только теперь я понял, что произошло. Неизвестный мужчина опустил дуэльный пистолет и потянулся свободной рукой за вторым. Я рванулся к нему сквозь толпу, но не успел, и он выстрелил снова.

Я до сих пор помню, как мне заложило уши. Дым повалил еще гуще, но кучер королевы наконец-то оправился от потрясения, и коляска умчалась вдаль.

«Королева!» – закричал кто-то. «Он хотел застрелить королеву!» – подхватил другой. «Смерть ему! – загалдели все разом. – Смерть!» Добравшись до места происшествия, я увидел сразу двух мужчин с пистолетами. «Я не стрелял! – оправдывался один из них. – Я отнял пистолет у него!» – «Они оба виноваты! – завопили в толпе. – Убейте обоих!»

Подбежало еще несколько патрульных. Мы отогнали толпу дубинками. Я сразу определил, кто из подозреваемых принес пистолеты. Первый был одет в слишком узкий костюм, под которым трудно спрятать оружие. На втором были дешевые полотняные брюки с глубокими карманами. Но разгневанной публике не было никакого дела до таких тонкостей. «Смерть обоим!» – продолжали кричать со всех сторон.

Вместе с другими констеблями я поспешил оттащить двух мужчин подальше от толпы. «Отведем их в участок, там и разберемся!» – крикнул я. Хоть мне и было ясно, кто из них виновен, объяснять было некогда.

Проезжавшие мимо кебы и экипажи останавливались, чтобы узнать причину суматохи. Толпа увеличивалась. Вероятно, собралось уже больше тысячи человек. Всю дорогу до полицейского участка на Уайтхолле люди шли за нами, пытаясь схватить за воротник то одного, то другого из арестованных, так что едва не задушили их обоих. С помощью подоспевших констеблей нам удалось затолкать задержанных в участок. Вскоре выяснилось, что стрелял тот, что был в свободных брюках. В кармане у второго нашли визитку, удостоверяющую его личность. Оказалось, что он мастер по изготовлению очков. Очевидец, его знакомый, подтвердил, что тот просто выхватил один из пистолетов у стрелявшего. Позже газеты объявили мастера истинным героем.

Де Квинси оторвался от бутылочки с лауданумом:

– Человеком в свободных брюках был Эдвард Оксфорд.

Райан кивнул:

– Он сам назвал свое имя. И даже был рассержен тем, что изготовитель очков отвлек на себя часть внимания толпы. «Это я стрелял! – настаивал Оксфорд. – Я!» Поскольку выстрелы не нанесли никаких повреждений королеве и принцу Альберту, я предположил, что пистолеты были заряжены только порохом. «Если бы пуля попала вам в голову, – сердито ответил преступник, – вы бы не задавали глупых вопросов!»

– Значит, королева не пострадала? – уточнила Эмили.

– Ни она сама, ни ее супруг. Вскоре я с удивлением узнал, что ее величество приказала кучеру ехать дальше к Гайд-парку, как будто ничего не произошло. В газетах писали, что коляска двигалась неторопливо и почти торжественно. Тысячи подданных радовались, что королева осталась в добром здравии, и прославляли ее смелость.

Когда спустя полчаса монарший экипаж возвратился во дворец, история успела обрасти новыми подробностями. Утверждали, что пуля задела принца Альберта, когда он пытался прикрыть ее величество своим телом. На самом деле ничего подобного не было, но слухи продолжали распространяться, и вскоре все уже восхищались героизмом не только королевы, но и принца. Премьер-министр, члены правительственного кабинета и Тайного совета поспешили в Букингемский дворец, чтобы выразить свое возмущение действиями Оксфорда и возблагодарить Бога за то, что покушение не удалось.

– И все это за один вечер? – изумилась Эмили. – Но вы ведь говорили, что королева в то время не пользовалась любовью у подданных. Почему люди так внезапно изменили отношение к ней?

– Поначалу их потряс сам факт покушения на монарха. Подобное казалось невыносимым делом, попранием самих основ мироустройства, – объяснил Райан. – Однако вскоре у народа появился и другой повод для ликования, когда...

– ...когда выяснилось, что королева в положении, – закончил за него Де Квинси, разглядывая бутылочку с лауданумом.

– В положении? Уж не хочешь ли ты сказать... – начала Эмили и осеклась.

– Королевский двор хранил это в тайне, – смущенно подтвердил Райан. – Но теперь стало известно, что ее величество ждет ребенка. Новость распространилась по всему Лондону с быстротой пожара. Надо сказать, у Георга Четвертого и Вильгельма Четвертого было

множество... – Райан деликатно отвел взгляд от Эмили, – фавориток и внебрачных детей. Но теперь ее величество готовилась подарить Англии законного наследника престола.

Немецкое происхождение принца Альберта и предпочтение, которое он отдавал родному языку, были мигом забыты. Народ приветствовал его как отца будущего монарха. Тем вечером во всех театрах Лондона прервали представления, чтобы сообщить о покушении на ее величество. Зрители хором пели «Боже, храни королеву». В концертных залах, харчевнях, любых публичных местах, где собирались люди всех сословий, провозглашали здравицы королеве.

– А что было дальше с Эдвардом Оксфордом? – спросил Беккер.

– В сороковом году в столичной полиции не было детективной службы. Комиссар Мэйн отправил меня и еще двух констеблей на другой берег реки, в Саутварк, где Оксфорд снимал комнату. Помимо всего прочего, нам поручили выяснить, не было ли у него сообщников. Мы обыскали комнату и нашли запертый на ключ сундук. Я взломал его и обнаружил внутри пули, порох, саблю и загадочную черную шапочку с двумя алыми бантами. Кроме того, там лежали документы и блокнот.

Снег за окном продолжал идти. Эмили обхватила себя руками за плечи и обернулась: ей показалось, что скрипнули половицы в коридоре. Но тут ее отец произнес:

– В документах упоминалось тайное общество под названием «Молодая Англия».

– Совершенно верно, – согласился Райан.

– И те же два слова были в письме, которое вы нашли в церкви, – добавил Де Квинси.

Инспектор изумленно посмотрел на него:

– Вы употребляете столько лауданума, что разум давно должен был притупиться. Но теперь я почти готов поверить, что вы способны читать мысли. Да, там были именно эти слова: «Молодая Англия».

– Не понимаю, – сказала Эмили. – «Молодая Англия»? Название кажется безобидным. Группа юношей, объединившихся для поддержки своей страны. Или же ученые, изучающие раннюю эпоху истории Англии: Великая хартия вольностей и тому подобное.

– «Молодая Англия» поставила перед собой цель свергнуть правительство и упразднить монархию, – пояснил инспектор.

Эмили и Беккер потрясенно уставились на него.

– Общество объединяло четыре сотни человек, – продолжал Райан. – Каждому вменялось в обязанность приобрести пистолет, ружье и кинжал. Каждый получал вымышленное имя и фиктивные документы. Они работали кебменами, плотниками или еще кем; многие пользовались доверием благородных семейств. Некоторые даже ухитрились выдавать себя за джентльменов, состояли в престижных клубах. Черную шапочку – каковую также полагалось иметь всем членам общества – можно было натянуть на лицо в момент восстания, чтобы скрыть свою внешность. Два алых банта на той шапочке, что была найдена в сундуке Оксфорда, указывают на его важный пост в тайном обществе.

Далее выяснились еще более тревожные подробности, – добавил Райан. – В бумагах говорилось о секретных собраниях, на которых члены общества готовились к возможным стычкам с полицией. Также упоминался некий таинственный руководитель «Молодой Англии», проживавший в германском Ганновере.

– В Ганновере? – переспросила Эмили. – Это ведь там...

– Совершенно верно, – подтвердил Райан. – Старший дядя королевы Виктории ступил на престол этого королевства, входившего в Германский Союз, уже после того, как ее величество стала править Англией. Многие полагали, что он испытал жестокое разочарование, когда английская корона досталась не ему, и был готов на все, чтобы занять место Виктории. Его подозревали в руководстве «Молодой Англией» и намерении свергнуть правительство

и законного монарха. Опасения, что страна может превратиться в германское государство, больше не казались беспочвенными.

– Раз уж никакого переворота не произошло, значит полиция успела своевременно арестовать всех участников заговора, – предположил Беккер.

– Нет.

– Им удалось скрыться?

– Они оказались плодом воображения Эдварда Оксфорда, – объявил Райан.

– Что вы сказали?!

– От старших полицейских чинов я узнал, что все бумаги были написаны почерком Оксфорда, так что и сама «Молодая Англия», и ее планы существовали лишь в его фантазиях, – пояснил инспектор. – Обвинителем на процессе выступил сам генеральный прокурор. Он настаивал на безумии Оксфорда. Отец преступника часто избивал беременную жену и повредил мозг плода. Ученый-френолог измерил череп подсудимого и заявил, что вмятины и выпуклости свидетельствуют о психическом расстройстве крайне редкой формы. Возможно, оно унаследовано от отца, который однажды въехал в дом на лошади, а потом дважды пытался покончить с собой под воздействием чрезмерной дозы лауданума. – Инспектор многозначительно посмотрел на Де Квинси.

Тот лишь пожал плечами:

– Думаю, это самый приятный способ присоединиться к большинству.

– Отец, умоляю тебя, даже не думай! – воскликнула Эмили.

– Вы знаете, сколько раз отпили из своей бутылочки, с тех пор как вошли в дом? – спросил Райан.

– Признаться, не считал.

– Шесть раз.

– Вот видишь, Эмили, – обрадовался писатель, – всего шесть раз. Я потихоньку исправляюсь. Прошу вас, инспектор, продолжайте. Полагаю, Оксфорд имел обыкновение время от времени раздражаться бессмысленным смехом, пугая окружающих.

– Да, и при этом мог много часов подряд сидеть неподвижно, уставившись в стену. Он вел себя настолько странно, что не мог удержаться ни на одной работе больше нескольких месяцев. Главным образом он прислуживал в тавернах, разнося пиво. «Не стоит верить ни единому слову этого безумца, – заявил присяжным на слушании генеральный прокурор. – Отправьте его в лечебницу для душевнобольных, где ему и место».

– И где он провел все последующее время, – заключил Де Квинси. – Но давайте вернемся к выстрелам. Пистолеты Оксфорда были заряжены пулями?

После долгого молчания Райан произнес:

– Похоже, вы и в самом деле читаете мои мысли. Откуда иначе вы могли знать, что тот же вопрос беспокоил и меня?

– Как вы считаете, сколько зрителей собралось вокруг коляски в момент покушения? – осведомился Де Квинси.

– Вероятно, около двухсот.

– При таком скоплении народа, выстрелив дважды с расстояния в пятнадцать шагов, Оксфорд не только не попал в королеву или принца Альберта, но и не задел никого из случайных зрителей, или лошадей, или хотя бы коляску. На редкость неудачное покушение. Пуль так и не нашли, правильно?

Райан кивнул:

– По другую сторону Конституишен-хилл расположен королевский дворец. Подъезд к нему тщательно осмотрели, проверяя каждый камешек. Но пуль там не оказалось. Стену дворца тоже обследовали на тот случай, если пули застряли в кладке. Полиция обыскала также дворцовый парк, но и там ничего не нашли.

– Таким образом, единственное доказанное преступление Оксфорда состояло в том, что он испугал королеву, – заключил Де Квинси.

– За неимением других улик – да.

– Многие жители Лондона ни с того ни с сего раздражаются смехом или подолгу сидят, уставившись в стену. Их называют сумасшедшими, но не приговаривают к заточению в лечебнице для душевнобольных.

– Но при этом они не стреляют в королеву, – возразил Райан.

– Из пистолета, который, вероятно, не был заряжен, – заметил Де Квинси.

– Вспомните, что сказал мне Оксфорд: «Если бы пуля попала вам в голову, вы бы не задавали глупых вопросов», – напомнил инспектор.

– В условном наклонении фраза звучит крайне неубедительно. Как вы сами признались, эта деталь беспокоила вас, – парировал Де Квинси.

– Вероятно, вы прочитали все, что было написано об этом происшествии, – решил Райан. – Только так можно объяснить вашу осведомленность о событиях того вечера, хотя сами вы, в отличие от меня, там не присутствовали.

– Я мог бы описать множество различных версий покушения, но они получились бы не такими яркими, как ваша, инспектор. Газетные сообщения противоречили одно другому, подтверждая тем самым, что события можно истолковать по-разному. Некоторые очевидцы утверждали, будто слышали над головой свист пуль. Если это правда, значит Оксфорд целился в воздух, а не в королеву и, стало быть, вовсе не собирался убить ее. Что касается свиста пуль, можно ли доверять подобным показаниям, если сами пули так и не были найдены, хотя поиски продолжались несколько дней? И если не доказано намерение Эдварда Оксфорда убить королеву, а не просто напугать ее, почему генеральный прокурор так решительно требовал навечно поместить подсудимого в лечебницу для душевнобольных?

– У вас есть ответы? – поинтересовался Райан.

– Даже в нескольких вариантах.

– Тогда поведайте мне. Глядишь, мы сумеем понять, почему кто-то решил связать сегодняшние убийства с событиями пятнадцатилетней давности.

– Я не могу сказать.

– Не можете? Бог мой, неужели лауданум в конце концов ослабил ваши мыслительные способности?

– В данном случае я просто не хочу говорить, – заявил Де Квинси. – Поскольку здесь пахнет государственной изменой.

Из коридора теперь уже явственно послышался скрип.

Эмили ахнула, когда в дверях появился темный силуэт. Райан и Беккер насторожились.

– Измена? – повторил чей-то голос.

К всеобщему изумлению, в гостиную вошел лорд Палмерстон в сопровождении комиссара Мэйна. Одежда обоих была усыпана тающим снегом; вслед за ними в комнату ворвался холодный ветер.

– Что вы там говорили об измене? – поинтересовался лорд Палмерстон.

– Мы обсуждали дело Эдварда Оксфорда и «Молодой Англии», милорд, – ответил Райан.

Лорд Палмерстон задержал взгляд на Де Квинси и Эмили:

– А вы что здесь делаете? Почему вы вообще остались в Лондоне? Представьте мое удивление, когда я вернулся домой и увидел, как из кареты выгружают ваши вещи.

– Учитывая чрезвычайность ситуации, я решил, что мне лучше быть здесь, милорд. Мои наблюдения могут оказаться полезными.

– Возможно, ваша наблюдательность еще больше обострится, если вам придется ночевать на снегу.

Комиссар хмуро посмотрел на Райана и Беккера:

– Почему вы обсуждаете «Молодую Англию» с посторонними? Кажется, мы договорились в церкви, что сведения нельзя разглашать во избежание паники.

– Мистер Де Квинси угадал содержание письма.

– Что?!

– После того, как прочитал имя Эдварда Оксфорда во втором письме.

Комиссар удивился еще сильнее:

– А было и второе?

– У другой жертвы. – Райан указал в сторону библиотеки.

Лорд Палмерстон и комиссар Мэйн поспешили туда.

– Спасибо, что увели разговор в сторону от измены, – шепнул Де Квинси инспектору.

– Надеюсь, позже вы нам все объясните, – проворчал Беккер.

– Непременно, – пообещала Эмили. – Редкий случай, чтобы отец отказался говорить.

Что бы ни заставило его сомневаться, я должна это услышать.

Лорд Палмерстон и комиссар Мэйн вернулись в полном потрясении.

– Это действительно лорд Косгроув? – спросил Райан.

Лорд Палмерстон кивнул. Обычно от него исходило ощущение силы, но сейчас морщины в уголках разом постаревших глаз выдавали его растерянность. Из могучей груди будто выкачали весь воздух.

Комиссар Мэйн сокрушенно произнес:

– Каким надо быть чудовищем, чтобы сотворить такое?

– Судя по петле, своду законов и выколотым глазам, убийца, кем бы он ни был, считал чудовищем самого лорда Косгроува, – заметил Де Квинси.

– Не смейте оскорблять покойного! – воскликнул лорд Палмерстон.

– И в мыслях не было, милорд. Но тщательно продуманная сцена подсказывает, что убийца полагал свой гнев праведным.

– Но в чем причина его гнева? Лорд Косгроув был одним из самых уважаемых членов высшего сословия. Проведенная его стараниями реформа тюремной системы заслуживает восхищения. Кто мог ненавидеть такого достойного человека?

– Или же настолько ненавидеть леди Косгроув, чтобы убить ее, – добавил комиссар Мэйн. – А еще я не могу понять, почему она облачилась в траурное платье и отправилась в церковь, вместо того чтобы сообщить об убийстве в полицию. Ведь тогда она осталась бы в живых.

– Возможно, она вовсе не приходила в церковь, – предположил Де Квинси и сделал плоток из своей бутылочки.

– Ради всего святого, она и сейчас лежит там в луже собственной крови! – возмутился лорд Палмерстон. – Кто-нибудь, посадите этого человека на поезд в Шотландию и избавьте меня от него! Опиум мешает ему отличить реальность от фантазий.

– Молчи, отец, – предостерегла Де Квинси Эмили.

– Нет, я хочу послушать, – настаивал лорд Палмерстон. – Возможно, ваш батюшка однажды договорится до того, что его все-таки отправят в лечебницу для душевнобольных.

– Я просто хотел отметить, что некоторые вещи, кажущиеся нам очевидными, могут обернуться полной своей противоположностью. – Де Квинси указал на труп в холле. – Вмятину в черепе этой девушки, как и того слуги, который лежит сразу за дверью, могло оставить орудие с шарообразным утолщением на конце. Подобный удар можно нанести только сверху вниз. Примерно вот так. – Де Квинси поднял правую руку и резко махнул ею, заставив лорда Палмерстона вздрогнуть. – Набалдашник трости джентльмена вполне удовлетво-

ряет необходимым условиям. Вопрос лишь в том, кто нанес удар: настоящий джентльмен или человек, прикинувшийся им с целью проникнуть в дом.

– Порядочный господин не способен совершить столь чудовищное преступление, – заявил лорд Палмерстон. – Некогда нам слушать ваши домыслы. «Молодая Англия». Эдвард Оксфорд. Как только комиссар рассказал мне о содержании письма из церкви, я сразу попросил ее величество об аудиенции. Райан, вы расследовали покушение Оксфорда на жизнь королевы, поэтому пойдете с нами.

– Если позволите, пусть сержант Беккер сопровождает нас, – предложил инспектор. – Это самый быстрый способ ввести его в курс дела.

– Хорошо, Беккер, присоединяйтесь. И поторопитесь. Нельзя заставлять ее величество ждать, – нетерпеливо произнес комиссар Мэйн.

– И... – Райан умолк в нерешительности.

– Ну что еще? У нас нет времени.

– Мистеру Де Квинси тоже лучше поехать с нами.

– Вы шутите?

– После разговора с ним я убедился, что он знает о покушении Эдварда Оксфорда не меньше моего, если не больше.

– Взять Любителя Опиума на встречу с королевой? – изумленно воскликнул лорд Палмерстон. – Он угостил вас лауданумом?

– Думаю, ее величество рассчитывает, что мы предпримем для ее защиты любые меры, даже самые непривычные. Неужели вы не согласны со мной, милорд?

Лорд Палмерстон издал обреченный стон.

Мститель точно знал тот день и час, когда он понял, каким образом может выпустить на волю долго подавляемую ярость.

Это случилось утром в четверг, первого мая 1851 года, в одиннадцать часов три минуты.

Тогда открылась Всемирная выставка, разместившаяся в великолепном здании, которое публика окрестила Хрустальным дворцом. На бумаге проект «дворца» представлял собой всего лишь гигантскую оранжерею. Многие влиятельные люди только посмеялись, когда принц Альберт поддержал эту идею.

Кто мог тогда представить, что в результате на свет появится одно из самых изумительных сооружений, какие когда-либо видел мир? Столь же огромный, сколь и блистательный, Хрустальный дворец был построен из почти миллиона квадратных футов стекла. Миллиона! Он занимал отведенную под строительство в Гайд-парке площадь в пятьдесят акров и насчитывал двенадцать этажей такой высоты, что парковые вязы, оставленные нетронутыми внутри в качестве украшения, не достигали потолка. Огромные водонапорные башни, установленные снаружи, давали воду для множества фонтанов. Аккорды двух мощных органов и пары сотен других инструментов, сопровождаемые хором в шестьсот голосов, были едва слышны в дальних углах дворца.

Мститель мог засвидетельствовать великолепие постройки, поскольку сам находился в тот день среди почетных гостей. Несмотря на усилия более чем восьмисот музыкантов, мелодия словно бы таяла в воздухе. При появлении королевской процессии все исполинское здание погрузилось в благоговейную тишину. Даже фонтаны стихли, когда десять тысяч собравшихся наблюдали за торжественным шествием небожителей.

Королева Виктория, приземистая, склонная к полноте, с невыразительным подбородком.

Принц Альберт, высокий, с почти женственными, несмотря на усы, чертами лица и узкими сутулыми плечами.

Наряд королевы дополняли драгоценности немислимой стоимости и головной убор, напоминающий диадему.

Принц Альберт, хоть и не бывал в бою, облачился в мундир с множеством орденов.

Мститель ненавидел их обоих до хруста в сжатых кулаках. Он оглядел галереи выставки, ярус за ярусом поднимавшиеся к потолку. На них размещались экспозиции самых разных стран со всех концов света. Поскольку автором идеи являлся принц Альберт, Мститель со всей силой своей ненависти желал мероприятию провала. Читая в газетах язвительные статьи о подготовке выставки, он внутренне ликовал.

Европейские монархи не приняли приглашение принца, опасаясь беспорядков или даже покушений. У коронованных особ были причины для подобного беспокойства. Всего три года назад, в 1848-м, около ста пятидесяти тысяч манифестантов вышли на улицы Лондона, требуя ежегодных выборов и всеобщего избирательного права для мужчин любого сословия. Армии удалось тогда разогнать недовольных. Однако никто не мог поручиться, что толпы не соберутся снова, угрожая спокойствию Лондона.

Несмотря на все тревоги, открытие Хрустального дворца увенчалось грандиозным триумфом. Восторги десяти тысяч высокопоставленных гостей обратили ненависть Мстителя на всех собравшихся. Вопреки уверениям, что Всемирная выставка призвана восславить содружество наций, он нимало не сомневался в том, что принц Альберт задумал в первую очередь продемонстрировать мощь Британской империи. Мститель закипал от ярости, когда публика увлеченно рассуждала о Викторианской эпохе – принц Альберт всячески поощрял употребление нелепого термина. Мститель мечтал под покровом ночи протащить в Хрустальный дворец порох и разнести павильон на осколки. Но много ли пользы в разрушении здания? Ему хотелось уничтожить самих этих людей: Викторию, Альберта и всех прочих.

Королева с принцем и двое детей из их многочисленного потомства поднялись вместе с премьер-министром и другими сановниками на обитый алой тканью помост под пышным ярко-синим балдахинном. Едва удерживая на лице маску обожания, под которой клокотала ненависть, Мститель с презрением слушал маловыразительное выступление Альберта.

Немецкий акцент делал речь принца еще более невнятной. Богатые и влиятельные гости внимали с притворным благоговением, хотя большинство из них не разобрало ни слова. А принц продолжал бубнить, обращаясь к королеве. Как только он милостиво соизволил закончить, королева поднялась с трона и поблагодарила его за проникновенные слова. Внезапно грянул хор «Аллилуйя» из «Мессии» Генделя. Никто, кроме самого Мстителя, похоже, не посчитал богохульством, когда королеву и принца фактически уподобили Иисусу Христу.

А дальше произошло примечательное и судьбоносное для Мстителя событие. Из толпы выскочил мужчина в ярком восточном наряде. Китаец. На глазах у изумленной публики он приблизился к трону и отвесил глубочайший почтительный поклон. Дети королевы раскрыли рты от удивления. Ее величество не нашла ничего лучшего, чем одарить китайца вежливым кивком.

Ропот пробежал по толпе. «Кто он такой?» – недоумевали все. Одни предполагали, что это китайский посол. Другие утверждали, будто видели, как он беседовал с важными сановниками вроде герцога Веллингтона. Вельможи начали смущенно перешептываться друг с другом. Премьер-министр и лорд-гофмейстер принялись совещаться с королевой Викторией и принцем Альбертом. И наконец все решили, что это и в самом деле китайский посол.

Когда монаршая чета повела своих детей осматривать тысячи экспонатов выставки, знатные гости двинулись следом. Среди них, с восхищением разглядывая огромное и величественное здание, в первых рядах шествовал и странный незнакомец.

Загадка его личности долго будоражила воображение публики, пока один из репортеров не выяснил, что это самый обычный китаец, владелец небольшой джонки. Его звали Хэ Син. Он оделся в национальный костюм, чтобы привлечь внимание королевы и пригласить ее в свой музей диковинок.

В первый раз за много месяцев Мститель искренне улыбнулся, довольный тем, как китаец переполошил весь музей и выставил на посмешище королеву и принца. Но эта радость не изменила твердого решения, пришедшего к Мстителю именно утром первого мая 1851 года, когда он осознал свое предназначение.

Под нескончаемым снегопадом Рональд с трудом находил дорогу в лабиринте узких улочек печально известного лондонского Ист-Энда.

Юноше было страшно.

Накануне вечером незнакомый джентльмен дал ему пять золотых соверенов.

«Хотите получить еще, Рональд? Запомните адрес: Уоппинг, Гарнер-стрит, дом двадцать пять. Приходите туда завтра к четырем часам. Вы можете принять участие в великом деле».

Рональд прищурился, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь густо падающий снег. Из тех пяти соверенов у него осталось три, остальные он потратил на теплую одежду, как и велел джентльмен: крепкие непромокающие ботинки, шерстяные носки, а также теплое пальто и шапку, заменившие рваный бушлат и кепку. И еще теплые перчатки. Кроме того, он съел огромный кусок пирога с почками и выпил немислимое количество пива – первый полноценный обед за три дня.

Прохожих было не много. Большинство здешних обитателей предпочло спрятаться в своих норах. Не имея возможности разузнать дорогу, Рональд паниковал все сильнее. Он начал поиски в два часа дня, сверяя время по часам в магазинах. Однако чем дальше он углублялся в трущобы Уоппинга, тем реже попадались лавки, к тому же из-за снегопада многие из них закрылись. Рональд понятия не имел, сколько у него осталось времени до четырех часов. Он всей душой жаждал получить очередные соверены, но смутно подозревал, что бородатый джентльмен не обрадуется его опозданию.

Закашлявшись от дыма из труб, который снегопад клонил к земле, Рональд подошел к заметенной снегом табличке на стене, очистил ее и разобрал слова: «Гарнер-стрит». Он ощутил прилив сил и зашагал быстрее, присматриваясь к номерам на стенах домов. Девять... Семнадцать...

Двадцать пять!

Рональд настороженно заглянул в приоткрытую дверь. Темный коридор – без единой лампы и каких-либо признаков жизни. Джентльмен действительно назвал этот адрес? Может быть, Рональда подвела память? Если он не найдет нужное место или опоздает к назначенному времени, не видать ему обещанных соверенов.

Замерзшие половицы заскрипели у него под ногами. Юноша медленно двинулся в темноту, пытаясь что-нибудь рассмотреть впереди, и едва не задел головой свисавший с потолка кусок штукатурки.

Внезапно перед ним выросла тень, и в лицо ударил свет фонаря.

– Как ваше имя?

– Ронни, – оторопело ответил паренек и тут же вспомнил наставления бородатого джентльмена, что следует всегда называть полное имя. – Нет, то есть Рональд.

– Что вы получили вчера?

– Пять соверенов.

– Ступайте за мной.

Тень перешагнула через отверстие в полу, и Рональд только теперь разглядел зловещую темноту у себя под ногами. Провожатый открыл дверь и жестом пригласил юношу в небольшой внутренний дворик с полуразрушенным сараем в глубине. Из другого коридора выступила еще одна тень.

– Если он привел за собой дружков, они без труда отыщут путь по следам, – сказал первый незнакомец.

– Я никому ничего не говорил, – запротестовал Рональд, – клянусь вам.

– Скоро узнаем. Мимо меня никто не пройдет, – заверил товарища второй.

Рональд двинулся дальше за провожатым. Коридор закончился лестницей со сломанными перилами. В свете фонаря юноша различил, что в ней недостает нескольких ступенек. Наверху мужчина подвел его к открытому окну, откуда в окно соседнего дома была переброшена над переулком узкая доска.

– Идите, – велел провожатый и накрыл фонарь колпаком.

К Рональду вернулась уверенность в своих силах. На корабле Британской Ост-Индской компании он привык лазить по мачтам и поэтому без труда прошел по скользкой обледеневшей доске. Сущие пустяки в сравнении с закреплением парусов во время качки в сильный шторм.

Сделав четыре быстрых шага, он оказался в темной комнате соседнего дома, заполненной какими-то ящиками. Провожатый перебрался вслед за ним и втянул доску в окно, затем снова снял колпак с фонаря и повел Рональда к лестнице. Они спустились в холодный сырой подвал с покрытыми плесенью стенами. Там было еще больше ящиков.

Тут внимание Рональда привлекло бормотание, которое становилось все громче, пока они подходили к двери.

Из-за ящиков показался еще один силуэт.

– Ваше имя Рональд?

– Да.

– Прекрасно. – Незнакомец дружески положил руку ему на плечо. – Вас ждут.

Все трое вошли в комнату, заполненную светом фонарей, запахом пива и табака и улыбающимися людьми, которые дружно поднялись поприветствовать вновь прибывших.

В центре стоял бородатый джентльмен, в руке у него была трость с серебряным набалдашником.

– Добро пожаловать в «Молодую Англию», Рональд!

Глава 5

Тронный зал

Свежевыпавший снег приглушал стук копыт и скрип колес в металлической окантовке. Карета лорда Палмерстона мчалась по Пикадилли. В рассчитанный на четырех экипаж сейчас набилось шестеро, но даже тепло их тел не могло согреть салон. На улице было непривычно тихо.

Райан показал на двойные ворота и изогнутую подъездную дорожку перед особняком лорда Палмерстона и сказал Эмили:

– На этом месте пять лет назад произошло покушение на ее величество.

– Еще одно? – удивилась девушка.

Она сидела между Райаном и Беккером, в который уже раз радуясь, что носит свободную юбку. В платье с кринолином она ни за что не поместилась бы в переполненной карете.

– Говорят, что всего было шесть покушений, – ответил Райан. – Я хочу убедиться, что седьмого не произойдет.

– Шесть покушений? – Судя по голосу, Эмили была потрясена услышанным. – И одно из них произошло возле вашего дома, лорд Палмерстон?

– Тогда он еще не был моим. Здесь жил любимый дядя королевы. Когда ее величество приехала его навестить, вокруг кареты собрался любопытствующий народ, мешая лошадям тронуться с места. Неожиданно из толпы выскочил человек и ударил королеву тростью по голове с такой силой, что у ее величества выступила кровь.

– Боже мой!

– Ну разумеется, – недовольно проворчал лорд Палмерстон, – будто в жилах монархов кровь не течет.

– Тот человек тоже был членом воображаемого тайного общества, ваша светлость? – спросила Эмили. – И тоже писал письма, в которых строил планы свержения правительства и короны?

– Нет. Его звали Пейт, и вел он себя очень странно. Каждый день много месяцев подряд он нанимал один и тот же кеб и отправлялся в какой-нибудь парк. Там он бросался в самую чащу и возвращался назад в мокрой одежде, с ног до головы в колючках ежевики. По улице он передвигался гусиным шагом и размахивал при этом тростью, словно боевым мечом.

Де Квинси между тем задумчиво смотрел на падающий за окном снег.

– Пейт не всегда был таким. Раньше он служил в кавалерии в офицерском чине и больше всего на свете дорожил тремя своими лошадьми. Потом их покусала бешеная собака, и всех троих пришлось пристрелить. После этого Пейт и стал странно себя вести.

– Значит, из-за собаки он и сам стал бешеным, – предположил Беккер.

– Да, если не принимать во внимание того, что Пейт не был признан сумасшедшим, – заметил Де Квинси, когда карета свернула на Конститьюшен-хилл.

– Но его поведение... – начал было Беккер.

– ...было эксцентричным не только в этом отношении, – закончил за него Де Квинси. – Он имел привычку громко петь в любое время суток, раздражая окружающих. Умывался только виски с камфарой. Обычно такого человека называют безумцем, но эксцентричное поведение еще не доказывает наличие психического заболевания. Согласно закону, безумие считается болезнью, когда человек не понимает, что делает, и не осознает неправильности своих действий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.